

НАРОДНЫЕ РАЗСКАЗЫ О КЛАДАХЪ.

(Матеріалы для характеристики міросозерцанія крестьянскаго населенія
Купянскаго уѣзда).

Считаемъ нелишнимъ сказать нѣсколько словъ по поводу приводимыхъ ниже разсказовъ о кладахъ, для указанія того, что въ этихъ безыскусственныхъ повѣствованіяхъ заслуживаетъ, по нашему мнѣнію, вниманія.

Почти во всѣ виды народнаго творчества входитъ неизбѣжнымъ элементомъ преемственность отъ давно прошедшей старины, съ одной стороны—образовъ, формъ, конечно, съ приспособленіемъ ихъ къ новому содержанію, а съ другой—сущности прежняго содержанія, съ измѣненіемъ способовъ внѣшняго его выраженія.

Когда бы были извѣстны воззрѣнія первобытнаго человѣка на внѣшній міръ и представленія его о небесныхъ явленіяхъ, тогда было бы легко опредѣлить, что въ сообщаемыхъ разсказахъ о кладахъ должно быть отнесено къ области стариннаго міра и что представляетъ продуктъ народнаго мышленія на извѣстной ступени развитія его. Но, въ виду отсутствія свѣдѣній о міросозерцаніи первобытнаго человѣка, изслѣдуя обряды и повѣрья, обращаются обыкновенно къ аналогіямъ, что представляетъ широкое поле для всякаго рода предположеній; такъ-что тамъ, гдѣ одни изъ изслѣдователей народныхъ повѣрій находятъ черты, характеризующія локализацию небесныхъ явленій, другіе видятъ олицетвореніе подъ вліяніемъ слова или изображенія, третьи—анимизмъ, или, по народному воззрѣнію, широко распространенный демонизмъ,—вмѣшательство діавола въ людскія дѣла и отношенія.

Дѣйствительно, повѣрья и рассказы о кладахъ могутъ дать матеріаль для разнородныхъ сближеній, смотря потому съ какой точки зрѣнія взглянуть на содержаніе этихъ сказаній.

Сторонники міеологическихъ основъ въ народныхъ повѣрьяхъ найдутъ въ предлагаемыхъ рассказахъ нѣсколько фактовъ, которыми могутъ воспользоваться для подтвержденія своихъ мнѣній о низведеніи небесныхъ явленій на землю. Напримѣръ, въ рассказѣ о нѣмомъ, бьющемъ палкою по горѣ, причемъ отдѣляющіеся отъ нея камни превращаются въ деньги, послѣдователь локализациі небесныхъ явленій легко можетъ усмотрѣть громовика-перуна, поражающаго палкой-молніей гору-тучу, причемъ отъ послѣдней отдѣляются блестящія капли дождя, превращающіеся въ рукахъ людей въ зерно-золото.

Приписывающіе человѣческому слову и пластическимъ искусствамъ важную роль въ созданіи міеовъ могутъ также указать въ данныхъ рассказахъ нѣсколько чертъ, говорящихъ въ пользу защищаемаго ими мнѣнія. За доказательствами ходить не далеко. Напримѣръ, извѣстное названіе растенія вызываетъ тотчасъ опредѣленное представленіе о его свойствахъ и даетъ поводъ къ созданію рассказовъ о его дѣйствіяхъ. „Ключъ-зелье“ отпираетъ всевозможные замки; одного прикосновенія „Разрывъ-травы“ достаточно, чтобы рушились всякіе запоры, преграды.

Обнаруживаніе кладовъ въ видѣ горячей свѣчи, хранители кладовъ въ образѣ прикованныхъ къ нимъ стариковъ, появленіе кладовъ въ видѣ собаки, лошади, пѣтуха,—происхожденіе всѣхъ этихъ вымысловъ получаетъ довольно правдоподобное объясненіе въ признаніи вліянія изображеній на творческую фантазію народа. Разъ это вліяніе допущено, можно смѣло утверждать, что образованіе подобныхъ у народа представленій могло быть вызвано, между прочимъ, и изображеніями на старинныхъ монетахъ. Такъ, на древнихъ кіевскихъ монетахъ находится на лицевой сторонѣ ихъ изображеніе сидящаго старика, отъ шеи и отъ рукъ котораго идутъ ряды шариковъ или колець, принимаемыхъ нѣкоторыми нумизматами за украшающіе одежду жемчужные шнуры, но они могутъ быть легко приняты и за цѣпи, которыми прикованъ къ сидѣнью старикъ. Изображеніе на оборотной сторонѣ этихъ монетъ слѣдуетъ считать, по мнѣнію Шодуара, за трикирій. Правда, что это

мнѣніе не принято другими нумизматами, но уже самая возможность ошибки со стороны опытного знатока старинныхъ монетъ даетъ право предполагать, что для большинства простого люда это изображеніе было дѣйствительно изображеніемъ свѣчи, какъ предмета общеизвѣстнаго. На другихъ древнихъ монетахъ княжескаго періода, на московскихъ, тверскихъ, рязанскихъ, встрѣчаются изображенія разныхъ четвероногихъ животныхъ и птицъ, а это, исходя изъ сказаннаго выше положенія, могло при содѣйствіи метафизическаго, образнаго языка, вызвать въ народномъ воображеніи олицетвореніе кладовъ въ видѣ выбитыхъ на монетахъ четвероногихъ животныхъ и птицъ. Человѣческій языкъ—одинъ изъ искуснѣйшихъ творцовъ мѣа: при звукахъ слова рождаются образы, духъ жизни проносится по мертвой до того природѣ и вслѣдъ за нимъ всюду возникаетъ движеніе, дѣятельность. Слово вносило въ умы людей ложныя понятія, но это-же самое слово служило для нихъ и источникомъ свѣта, добра и чистыхъ наслажденій. Если языкъ создаетъ мѣа, то онъ же самъ и объясняетъ причины возникновенія ихъ. Вѣроятно, многимъ изъ насъ приходилось слышать: я получилъ или отдалъ катеринку, катеньку, вмѣсто того, чтобы сказать: я получилъ сторублевый билетъ, или просто—сто рублей. Какъ въ приведенной фразѣ слово, означающее изображеніе на кредитномъ билетѣ, употреблено взамѣнъ названія билета, такъ точно, тотъ-же самый процессъ, по которому названіе кредитнаго билета замѣнилось названіемъ изображенія на немъ, тотъ-же самый умственный процессъ могъ происходить и при созданіи разсказовъ о деньгахъ, охраняемыхъ старикомъ, и о свѣчѣ, горящей надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ находится кладъ. Поводъ къ сочиненію подобнаго разсказа могла дать и надпись на этихъ монетахъ: „а се его серебро“. Чье серебро?—Серебро старика, конечно, того, что на немъ изображенъ, а изображенъ то онъ сидящимъ въ цѣпяхъ, какъ-бы прикованнымъ для охраненія своего серебра, стерегущимъ его.

Разсматривая съ указанной точки зрѣнія изображенія и на другихъ древнихъ монетахъ, мы найдемъ, что они представляютъ, между прочимъ, изображенія всѣхъ тѣхъ звѣрей и птицъ, въ видѣ которыхъ по народнымъ разсказамъ являются клады. Такимъ образомъ, намъ кажется, что здѣсь мы находимся на

прямой дорогѣ къ разрѣшенію вопроса, чѣмъ вызваны въ народѣ повѣрья о явленіяхъ кладовъ въ разныхъ видахъ. Старики же крестьяне указываютъ инныя основанія для объясненія этихъ явленій. Одни изъ стариковъ говорятъ, что кладъ принимаетъ видъ тѣхъ оболочекъ, тѣхъ помѣщеній, въ какія онъ заключенъ, положенъ. Такъ, напр., кладъ, завязанный въ шкуру жеребенка, является въ видѣ жеребенка; кладъ, положенный вмѣстѣ съ хозяиномъ его во гробъ, и является въ видѣ гроба. Другіе утверждаютъ, что кладъ бродитъ по землѣ въ видѣ тѣхъ животныхъ, какія были зарѣзаны или замучены на мѣстѣ зарытія клада или черепа которыхъ зарыты въ землю вмѣстѣ съ кладомъ. Третьи объясняютъ все вліяніемъ заклія; большинство же крестьянъ относитъ появленіе кладовъ въ разныхъ видахъ къ дѣйствию нечистой силы, во власть которой поступаютъ всѣ закліе кладовъ. Она-то, эта нечистая сила, попросту діаволъ, и показывается то старикомъ, то собакою, то пѣтухомъ, для того, чтобы легче погубить христіанскую душу.

Исслѣдователь анимизма откроетъ во всей совокупности подобныхъ разсказовъ и объясненій одно основное начало,—древнее вѣрованіе въ духовъ, по которому не только животныя и растенія имѣютъ душу, но и всякій предметъ природы, всякая вещь, даже сдѣланная человекомъ, имѣетъ своего особаго духа, могущаго по произволу оставлять свою оболочку и принимать другой видъ. Вѣдь кладъ то-же стонуть, говорятъ, кричать, грозятъ; они то поднимаются изъ глубины на поверхность, то снова опускаются глубоко въ землѣ; переходятъ съ мѣста на мѣсто, являются въ разныхъ образахъ, т. е., дѣйствуютъ то какъ живыя матеріальныя существа, то какъ безплотные духи.

Во взглядахъ народа на кладовъ открывается еще одна и притомъ самая глубокая черта, это—вѣра народа въ то, что ни одинъ кладъ не исчезаетъ безслѣдно, но рано или поздно, на счастье или несчастье людямъ, а непременно обнаруживается. Такая вѣра въ неизбежность обнаруживанія клада коренится въ вѣрѣ въ предназначеніе, по которому каждому предмету природы, каждому произведенію человѣческаго труда предназначена опредѣленная цѣль существованія, опредѣленная задача. Мало того, оказывается, что, по взгляду народа, каждое живое существо, каждая даже вещь обнаруживаетъ сама по

себѣ потребность и стремленіе выполнить свое назначеніе. Въ случаѣ же преждевременной смерти живого существа или уничтоженія предмета, это стремленіе къ выполненію предназначенной имъ задачи не гибнетъ, а олицетворяется въ образѣ блуждающаго духа. По народному повѣрью страдаютъ и бродятъ по свѣту души не однихъ лишь самоубійцъ, но и умершихъ вообще насильственною смертію, а равно и души убійцъ разбойниковъ и всѣхъ тяжкихъ грѣшниковъ, къ числу которыхъ относятся преступники изъ-за денегъ и заклинатели кладовъ.

Видя предсмертную агонію молодого существа, замѣчая увяданіе сломленнаго деревца, встрѣчая обезображенное произведеніе искусства или новую испорченную вещь, мы невольно проникаемся чувствомъ состраданія, жалости, выражаемъ свое неудовольствіе, обвиняемъ судьбу, людей,—почему?—Потому, что у насъ тотчасъ возникаетъ сознаніе потери, понесенной людьми отъ преждевременной гибели того, что, *выполняя свое назначеніе*, могло бы содѣйствовать увеличенію суммы общаго блага. А какъ перенесеніе на окружающую природу своихъ личныхъ ощущеній, желаній, стремленій и цѣлей есть наслѣдіе глубокой старины, то и понятно, почему оно составляетъ удѣлъ преимущественно той среды, гдѣ пробѣлы въ положительномъ знаніи заполняются всего чаще мистическими образами. Однако историческія вліянія вносятъ свои поправки въ старинныя воззрѣнія. Теперь народъ говоритъ, что зарывать кладъ, прятать въ землю деньги грѣшно, потому что грѣшно вообще уничтожать даръ Божій. Притомъ, деньги, какъ и все прочее имущество, даются Богомъ, а все Божье чловѣкъ и не въ силахъ окончательно уничтожить; онъ если и можетъ что съ нимъ сдѣлать, такъ это разрушить только матеріальную оболочку его; духъ же его, какъ стремленіе къ осуществленію предназначенія, продолжаетъ свое земное бытіе и такъ или иначе обнаруживается. Впрочемъ, культурныя вліянія внесли и дальнѣйшую поправку въ древнее вѣрованіе. Такъ иные изъ крестьянъ говорятъ, что не самъ кладъ стонетъ и тужитъ, а тужитъ и стонетъ душа чловѣка, положившаго кладъ; что надписи на кучкахъ денегъ: это—мать, это—сынъ, означаютъ, что деньги эти пріобрѣтены преступленіемъ матери и сына, а не составляютъ ихъ самихъ въ превращенномъ видѣ.

Культурно-историческая жизнь края также выступает почти въ каждомъ разсказѣ своими бытовыми особенностями. Такимъ образомъ, несмотря на безискусственную простоту предлагаемыхъ разсказовъ, многое въ нихъ заслуживаетъ вниманія не только любителей фольклора, но и вообще изслѣдователей мѣстной старины.

Обратимся, однако, къ самимъ разсказамъ и передадимъ ихъ въ томъ самомъ изложеніи, въ какомъ сообщены они намъ гг. учителями и учительницами сельскихъ училищъ Купянскаго уѣзда или же записаны нами лично со словъ разскащиковъ.

Кто зарывалъ въ землю клады и какими обрядами сопровождалось зарываніе ихъ?

(Сл. Араповка, уч. М. Скубакъ). Клады зарыты въ землю большею частію разбойниками; одни изъ нихъ зарыты очень давно, другіе же въ болѣе близкія къ намъ времена. Зарывая клады, разбойники произносили надъ ними заклятія. Въ какихъ именно словахъ выражались эти заклятія, никто теперь не можетъ уже передать буквально; извѣстно только, что одни клады заклинялись на опредѣленное время, другіе же навсегда, или, какъ говорятъ крестьяне, „поки свита й сонця“. Кромя того, заклиная клады, разбойники, какъ видно изъ нѣкоторыхъ разсказовъ, накликали иногда въ своихъ заклинаніяхъ болѣзнь или другое какое-нибудь несчастіе на тѣхъ, кто возьметъ кладъ. Закапывались клады и неразбойниками, а обыкновенными людьми.

(Сл. Кабанья, уч. П. Марусовъ). Сначала на цій земли, де мы живемо, жылы туркы, це була турещына. Туркы были сыльні багачи. Якъ народа въ руському царствіи стало багато, то тоди стали зганяты туркивъ съ своеи земли. Якъ покорылы туркивъ, тоди вони—де худобу диваты? Везты нельзя, та й начали їи ховаты въ землю. Дралы шкуру зъ коней и зашивали въ неи грошы, насыпали бочонкы золота и закопували въ землю, або опускали въ воду. Вони ховали въ землю и орудіе, разни ружья, пицгалеты, пушкы, щобъ руськи не воспользовались цымъ добромъ. Вони ховали ёго куда попавшы: въ землю, въ воду, въ песокъ. Якъ зарывають гроши, або якъ пускають у воду, то заклинають ихъ: „будь вы трыжды прокляти, прокляти, прокляти! Хто ци гроши возьме, той и самъ проклятый, тому голова долой!“

(Хуторъ Нижній Солений, уч. Лищиковъ). Изъ разсказовъ

стариковъ и старухъ хутора Н.-Соленого видно, что большая часть крестьянъ относятъ происхожденіе шкарбовъ (кладовъ) къ тому времени, когда въ здѣшнихъ мѣстахъ существовали шайки разбойниковъ, скрывавшихся днемъ въ подземельяхъ, въ лѣсахъ (лѣса въ старину были здѣсь большіе), а въ ночное время выходившихъ на добычу. Въ одномъ изъ подземелій жилъ у нихъ старикъ, глубокихъ лѣтъ, который по временамъ смотрѣлъ въ книгу и по ней опредѣлялъ, возможно-ли жить этимъ разбойникамъ въ данномъ мѣстѣ или же уже пора скорѣе уходить, перебираться на другое. Переселяясь на другое мѣсто, разбойники изъ награбленныхъ ими богатствъ брали лишь небольшую часть, а остальные сокровища зарывали въ окрестныхъ мѣстахъ съ заклятіями въ землю. Заклятія эти не имѣли одного общаго, установленнаго характера, а зависѣли отъ личнаго взгляда заклинателя. но, во всякомъ случаѣ, были обязательны, такъ сказать, священны для самаго шкарба. Заклинались одни изъ шкарбовъ на нѣсколько десятковъ и даже сотенъ лѣтъ; другіе же, гдѣ заклинатели оказывались жестокими, заклинались на вѣчныя времена. Послѣдніе шкарбы вырыть уже нельзя; надъ ними по временамъ въ глухую полночь горитъ свѣча, а иногда слышенъ стонъ шкарба, который какъ-бы проклинаетъ свою горькую и вѣчно однообразную жизнь,—свою судьбу. Рыть шкарбы, которымъ еще не вышелъ срокъ, нельзя и бесполезно, такъ какъ такой шкарбъ идетъ тогда глубже въ землю, а нечистая сила, которая его сторожитъ и распоряжается имъ, по завѣщанію, будетъ при этомъ бросать камни, двигаться на конателя клада стогомъ сѣна и тому подобными страшилками. Когда кончится срокъ заклітію, шкарбъ выходитъ на поверхность, принимая иногда видъ пѣтуха, — это значить, что въ данномъ мѣстѣ зарыты червонцы;—въ видѣ другихъ животныхъ—серебро или вещи дорогія. Зарывая деньги, иной заклинатель имѣетъ виду и говорить, что-бы шкарбъ достался какому-нибудь Ивану или Григорію. Съ такими именами людямъ шкарбъ и является въ видѣ старика. Тогда, если онъ попроситъ, что-бы ему въ чемъ-нибудь прислужить, напр., утерли ему носъ или развязали на немъ поясъ, не слѣдуетъ отказывать въ просьбѣ, потому что отъ прикосновенія къ нему старикъ тотчасъ рассыпится серебромъ.

(Хуторъ Маліевка, уч. М. Нетреба). Годивъ пятьсотъ тому назадъ була Украина, саме де мы теперъ живемъ. Въ тій Украини жылы розбойныкы чичиньци; хатамы у ихъ были могылы. Якъ стала Россія размножатьця и притиснаты чичинцевъ, то вони взяли и пишли геть, хто куды попавъ. У йихъ багато було грошей, такъ шо йимъ невозможно й понести съ собою, то вони взяли и закопували ихъ въ землю скрызъ по могылахъ. Одни изъ ныхъ думалы прійты въ мирне время и одкопаты свои гроши, други закопували зъ заклѣтіями на вику, щобъ ниhto йихъ и не выкопавъ, а хоть и выкопа, все равно нымъ не поживе, умре; а инши закопували на стико то годивъ, и якъ пройдутъ ти годы, то гроши самы выйдуть изъ земли въ разныхъ видахъ. А зарываніе въ землю кладовъ сопровожалось отъ якимъ образомъ: якъ здумае який-небудь чичинець закопаты въ землю кладъ, то заразъ объявляє о томъ своимъ сусидамъ, щобъ вони шлы до ёго зарываты кладъ. Сусиды прійдуть до ёго; винъ заразъ начынае копаты яму, и якъ выкопае яму, то въ неи кладуть заразъ дошку, на ти досці напысана крейдою заклѣта молитва; на дошку кладутъ кладъ и загортають землю, а хазяинъ клада въ те время тры разы обходе кругомъ зарывающихъ кладъ.

(Сл. Тарасовка, уч. В. Свѣтъ). Кажуть люды, разни бывають шкарбы. Якийсь скупый чоловікъ збира гроши та хова де небудь: ны людямъ, ны соби. Зарые въ кубышци та й помре, никому не сказавшы. То нечыста сила надъ нымъ шуткуе, такъ шо винъ пры смертномъ часи и забуде про свою кубышку. А то ще пры здоровью зарые свою кубышку та мисто и забуде; не то шо забуде, а не зможе ёго найти,—то жъ дило нечистого. Велось такы межъ старыми гроши въ землю ховать. То бъ ще ничего: ховай та пры смерти скажы дитямъ про ныхъ, а заховать и промовчатъ до смерти—грихъ. Душа ёго на тимъ свити спокою и незнае, шо зарывъ даръ Божый, Якъ года мукамъ той души выйдуть, йий и даеця облыченье. колы вона передаетъ кому-небудь свій шкарбъ. Алежъ важко души зъ того свиту являтьця: вона и стогне и туже и нечисти мишають йий объявитьця: Якъ уже объявитьця и дастьця въ руки доброму чоловіку, шо винъ шось добре на ти гроши зробе, то и души легче. А то были ковдуны, знахуры, ти по злоби заговарювалы людей оборотнями. Оберне чоловіка у шо

небудь и заховае, и заклятіе положе на скилько то небудь ро-
кивь; срокъ выйде и оборотень объявытця шкарбомъ. Булы
ще лазурякы, грабылы, убывалы, оббиралы гроши и ховалы
ихъ у лису, на степу, по курганахъ; самы тожь де небудь
пропадады въ разбояхъ, а гроши оставалысь закопаны, и гро-
ши и такъ разны вещи. Нечыста сыла и посылаетъ душу того
харцыза объявытця шкарбомъ, шобъ загубыть ще кого дру-
гого. А есть шкарбы и одъ Бога,—добрымъ людямъ на счастье
даеця,—молись гарненько Богу, беры, винь къ счастью: то
доля чоловіку дае.

У насъ въ Тарасивци, може бачылы, стовпъ стоить на кур-
гани, ото одынь на Голоднянци, а другой—на Старобыльскому
шляху. Въ ноци якъ идешъ мимо, биля тыхъ стовбивъ свичка
горыть. Кажуть вси, шо въ тыхъ курганахъ подъ стовпами
туркы захованы. Не знаю, чы война тутъ зъ нымы була, чы
чого воны тутъ захованы, не скажу, тилько чумакамъ була
дорога черезъ нашъ шляхъ. Якъ покажутця чумаки съ гриш-
мы биля стовпа, а ботакъ хто иде зъ гришмы, заразь на кур-
гани и засвтитця свичка, а изъ кургана туркы выскочуть;
на другимъ кургани побачуть: свичка горыть,—видтиль и би-
жать на помощь товарищамъ; а видтиль хто произдыть, тамъ
свичка запалытця, ци бижать на помищъ. И обберуть гроши
вси до чыста и ховалы ихъ тамъ—може бачылы пидъ горою
въ крейди якъ погрибъ зробленъ—у тымъ погрибу воны и хо-
валы ти гроши. Тамъ кажуть багато грошей и йихъ ще ни-
хто не трогавъ: воны не объявлялысь. А то на Сыротскимъ
нашъ мужыкъ тарасовскый выоравъ кубышку серебряныхъ
рублевъ та и сховавъ, не объявывъсь. А згода винъ ще вы-
оравъ маненьке барыло зъ залызыми обручамы и чугунный
возыкъ,—пушкы возать—тилько маненькый. Може въ барылы
гроши булы, тилько винъ не казавъ, а диты ёго заразь дже
багато живутъ, а винъ старый бувъ зовсимъ убогий. (Со словъ
крестьянина Антона Дьякова).

(Сл. Преображенная, уч. Х. Сильченкова). Миѣнія всѣхъ
здѣшнихъ крестьянъ сходятся къ тому, что курганы въ на-
шихъ мѣстахъ насыпаны татарами и что нѣкоторые изъ кур-
гановъ несомнѣнно содержатъ въ себѣ клады, но что эти
послѣдніе даются только тому, кто, зная какую то тамъ мо-
литву, къ сожалѣнію неизвѣстную говорившимъ, можетъ снять

наложенное на нихъ заклятіе. Одинъ старикъ говоритъ, что для того, чтобы узнать, гдѣ именно лежитъ кладъ, нужно въ полдень взвести на курганъ лошадь и стать ей на спину, тогда, гдѣ при такомъ положеніи будетъ тѣнь головы человѣка, тамъ и слѣдуетъ копать. На спину лошади надо становиться потому, поясняетъ онъ, что при заклинаніи клада говорятся слѣдующія слова: „кто тутъ на спыни коня встое, тому и я за цымъ (за кладомъ) не постою“.

Когда и въ какомъ видѣ выходятъ изъ земли клады?

Срочные клады, по истеченіи срока, на который они зарыты, выходятъ изъ земли и показываются въ разныхъ видахъ; но и всѣ клады вообще, какъ срочные, такъ равно и безсрочные, проявляются весною, преимущественно подъ большіе праздники: въ это время раскрываются горы, обнаруживаются пещеры, подвалы, гдѣ собраны массы сокровищъ: золота, серебра, оружія и дорогаго платья. Вотъ что говорятъ объ этомъ.

(Сл. Тарасовка). Шкарбъ являетця тоди, якъ ёму время выйде, а безъ времени винъ въ руки не даецця; безъ времени хто и изловчылця ёго взяти, то проку зъ тыхъ грошей не побачыть. Являетця шкарбъ разнo: и въ день, и въ ночи, и ввечери, и въ ранци, и показуетця якимъ небудь знакомъ, а въ руки не даецця, якъ знаючы до ёго прыступыты. Какимъ же знакомъ онъ является?—Разно: на тимъ мисти, де шкарбъ зарытъ, свичка въ ночи горыть; пивень красный або білый являетця, якъ зробишь, якъ треба, винъ гришмы ростопытця; голось чуть: стогне, туже; ввисни приходе старымъ чоловикомъ, або старою жинкою и каже: пиды туды, зроби такъ, то и возьмешъ гроши; квочкою въ хату прыходе; якъ труна (гробъ) або скрыня зъ земли выходе и показуетця тилько тому, кому въ руки даецця, а кому не даецця, такъ тутъ же буде стояты и ничего не побачыть. Что же нужно сдѣлать, чтобы взять въ руки кладъ, когда знакъ уже явился?—Винъ самъ скаже, якъ ёго въ руки взяти, а то знахуры есть, шо учать. Треба помолытьця Богу. А то въ ничъ пидъ Купала треба питы въ лисъ, знайти кущъ „Разрывъ травы“, обвести коло нѣго кругъ и стати въ тимъ крузи, а на шыи, щобъ не було хреста. О пивночи буде по лису гуканье, трискотня, а ты сыды мовчкы; шось зъ миста буде штовхаты, а ты все сыды, а въ саму пивничъ почувешъ выстриль—и зацвите Раз-

ривъ-трава. Заразъ той цвѣтъ хватай, — винъ и цвите не долго, — розрижъ на ливой ладони кожу и заховай туды той цвѣтъ и бижи скорѣе не оглядаючысь до дому. Буде тоби и въ пыку, и въ потылицю хтось быты, а ты бижи та читай: „Да воскреснетъ Богъ“. Оглянутьца, такъ нечыста сыла цвѣтъ однѣмъ, а чоловика задуше. Съ тымъ цвитомъ походышь, — шкарбъ безприминно явытца, тоди тилько скажи: „аминь, аминь, розсыпся!“ винъ и розсыплетца гришмы. (Со словъ крестьянина Е. Грицаева).

(Сл. Преображенная). Говорять, что клады провѣтриваются три раза въ годъ: на Благовѣщеніе, Свѣтлый Праздникъ и Вознесеніе. Случилось одной дѣвочкѣ видѣть на Свѣтлый Праздникъ, какъ верхушка кургана поднялась точно крышка, и когда дѣвочка заглянула въ образовавшееся отверстіе, то увидѣла въ подземельѣ нѣсколько бочекъ серебра и на цѣпи челоуѣка. Дѣвочка, конечно, испугалась и въ страхъ убѣжала. Другіе же въ такихъ случаяхъ не бѣгутъ прочь, а напротивъ вступаютъ въ переговоры съ хранителемъ клада (сатаню) и, давъ въ залогъ свою душу, берутъ сколько нужно денегъ на извѣстный срокъ, по истеченіи котораго должникъ обязанъ отнести ихъ на то же мѣсто, откуда ихъ взялъ; въ противномъ случаѣ этотъ несчастный подвергается всѣмъ бѣдствіямъ, какія только можетъ придумать для него діаволъ. Разъ заключивъ такое условіе, челоуѣкъ неволенъ уже прекратить своихъ отношеній съ сатаню: онъ дѣлается постояннымъ его рабомъ и долженъ исполнять всѣ прихотливыя его требованія. Такъ, напримѣръ, указываютъ на одного преображенскаго богача, что онъ будто-бы когда-то воспользовался подобнымъ кладомъ и теперь ходитъ по ночамъ въ извѣстное мѣсто на потѣшный кулачный бой съ діаволомъ, откуда является всегда съ страшно исцарапаннымъ лицомъ. Хотя такому челоуѣку, повидимому, все въ жизни удается, но душевнаго покоя онъ не имѣетъ: совѣсть грызетъ его, а потому онъ всегда бываетъ нелюдимъ. Другіе говорятъ, что запродавшій за деньги свою душу чорту, можетъ прервать свои отношенія съ нимъ, но только не иначе, какъ замѣнивъ себя другимъ, т. е., передавъ желающему свои обязательства. Впрочемъ они передаются иногда и нежелающему. Это чаще дѣлается, молъ, при платежѣ за что-нибудь денегъ, причесть,

отдавая эти послѣднія въ кошелькѣ или платочкѣ, говорятъ: „на тоби зовсимъ“. Поэтому, слыша такія слова, надо принимать деньги съ оговоромъ: „не зовсимъ, а стилько треба“—и возвратить то, въ чемъ деньги были переданы. Наболѣе благопріятнымъ временемъ для добыванія клада считается ночь подъ страстную пятницу и подъ Ивана Купала, при этомъ искатель клада долженъ имѣть непременно зажженную страстную свѣчу.

Бываютъ клады и другого рода, это—такъ называемые шкарбы, являющіеся преимущественно запоздалымъ путникамъ въ образѣ дряхлаго старика или какого-нибудь животнаго. Такими шкарбами не грѣхъ пользоваться, потому что они посылаются Богомъ.

(Хуторъ Маліевка). Шкарбы выходятъ изъ земли въ разное время и въ разныхъ видахъ. Пидъ Новый годъ выходятъ въ выди жеребенка; пидъ Благовищення—въ выди собаки; пидъ Вылыкдень—въ образи чоловіка; пидъ Ивана Купала—свичкою; пидъ Покрову—пивнемъ. Коло Святыхъ Горъ е висока, висока могила, называется вона „Матвіева“. Пидъ нею стогне шкарба тико пидъ Вылыкдень. Попереду народъ ходивъ туды грошей позычаты. Якъ прійде хто до могилы, ляже на землю, наставе вухо и слуха, а воно й каже зъ пидъ земли: стико тоби грошей треба? Той тоди й каже, стико ёму нужно, и въ тужъ минуту требуемое число грошей выходе изъ земли. Той тоди и бере ихъ; а воно ше й приказуе: „гляды жъ ты, шобъ прынишь пидъ другой Вылыкдень и положивъ на тимъ мисти де бравъ, и шобъ стико и грошей!“ И такъ багато время прошло и люды позычали гроши и унять отдавали тамъ, де брали. А одынь чоловікъ хотивъ надуты ту шкарбу, ажъ воно—винъ самъ надувся. Разъ узявъ винъ пившъ и позычивъ шось дуже багато грошей, а отдавати думкы не було. Отъ прыходе назначене время отдавати гроши, а винъ и забувъ думаты про це, а кынувся водку пыты. А шо такъ провивъ тыхъ грошый, такъ прямо страсть! Шо-жъ зъ цѣго выйшло? До ёго стало шось каждой ночи ходыты и требуе гроши. Винъ водився, водився—никакъ не одкараскаетця отъ того, шо до ёго ходе,—и повисывся, а гроши вси до копійкы прогулявъ. Писля того случаю тамъ пидъ могилою уже не стогне и грошей никому недае. Одни кажутъ, того не

стогне и не позыча грошей, шо ёго обманылы; други кажутъ: будто той пьяныця уся гроши забравъ и прогулявъ. Стико разъ ны копали люды, ничего не найдуть; пушты уся вже могла роскопана по дурному.

(Сл. Тарасовка). Задумавъ чоловикъ копать погрибъ; отъ ему и прыснылось: копай погрибъ на оцимъ мисти. Вишь устави тай думаетъ: шо жъ це таке—копай на оцимъ мисти? Подумавъ: и мисто не пидхоже, та нужно спробовать, шо воно таке буде. Почавъ копать. Дывытця, сыдыть лукавый. Чоловикъ злякався, перекрестывсь, прочытавъ молитву,—лукавый исчезъ, а на тимъ мисти стали гроши. Ставъ чоловикъ ти гроши брать, а воно шо то не дае та каже: имъ ще время не выйшло. Чоловикъ ставъ ти гроши брать та просить ти гроши, а воно шо то и каже: „якъ будешъ давать процентъ, такъ дамся въ руки“.—Буду платыть процентъ, сказавъ чоловикъ. Воно и дало ёму въ руки грошей. Платывъ винъ процентъ, платывъ, а затымъ и забудъ, и переставъ платыты. То у ёго у хати було гарно, було гарно и въ хазайстви, а то стало тьмано и сумно и иконы почорнили. Разъ славъ винъ спаты, а шось и каже: „у сю ничъ оддай мое, отдай мое!“ Винъ туды, сюды, перейшовъ на друге мисто, а воно все свое: оддай мое, оддай мое! Оперуетъ себе крестнымъ знаменемъ,—перестане, а якъ не крестытця, воно шо-то все одно каже. Ставъ процентъ класты, перестало казать; но нема тому чолвику покою. Взявъ все продавъ, положывъ гроши на то же мисто, скилько узывъ тамъ, тоди ставъ жыты, якъ и живъ до того, щасливо. (Со словъ кр. Е. Грицаева).

(Г. Купянскъ). Колысь давно, въ старовину, открывалась у Лозовій гора; зъ цїи горы текла вода. На Свитлый Праздникъ открывалась ця гора и въ нїй стоять бочонки золота, серебра и миди, а коло бочонка дидъ прикованый. Туды люды и ходять дывытьця. Якъ же шо вони прыйдуть туды и грошей не наберуть, такъ и выйдуть, а якъ наберуть грошей, то гора заразъ и затворытьця: скрызъ стины и никуда выйты; якъ гроши высыплють, то й выйдуть. Уже тамъ люды и молебни служылы и со святостямы выходылы, щобъ ти гроши взяты, та ни, нельзя, заклайти.

Верстахъ въ пяти отъ города Купянска по дорогѣ въ сл. Маночиновку возвышается довольно большой курганъ, извѣст-

ный въ народѣ подъ названіемъ Острой могилы. Курганъ этотъ съ окружающими его другими меньшаго размѣра курганами составляетъ остатки, вѣроятно, бывшаго здѣсь когда-то городища. Онъ имѣетъ чашевидную форму; на внутренней сторонѣ стѣнъ его видны слѣды раскопокъ, попытокъ проникнуть сквозъ толщу кургана, такъ какъ, по убѣжденію окрестныхъ крестьянъ, въ немъ хранятся большія сокровища. Многие не только изъ мѣстныхъ крестьянъ, но даже и Воронежской губерніи не разъ уже приступали къ раскопкѣ кургана съ цѣлью добраться до клада, но все напрасно: кладъ недается. Говорятъ, одному изъ такихъ охотниковъ будто-бы удалось докопаться уже до дверей, запертыхъ большимъ висячимъ замкомъ; но лишь только прикоснулся онъ до замка, какъ услышалъ изъ-за двери голосъ: „не трогай, пропадешь! А откопай прежде на 80-ти-саженной цѣпи ключъ, тогда отпрешь имъ двери и все будетъ твое“. Дверь исчезла, а любитель кладовъ едва живой вылѣзъ изъ вырытаго имъ въ курганѣ хода и отказался отъ дальнѣйшихъ работъ. Около этого кургана по ночамъ нерѣдко видятъ козла.

(Сл. Араповка). Одинъ чоловікъ изъ Рубижни (Волчанскаго уѣзда) пишовъ пидъ Велыкдень воливъ шукаты. Пидходе до пидвалу¹⁾), дывытця, ажъ винъ одчынений, на дверяхъ собака привязана на цѣпи, а біля неѣ старый сидый дидъ. Винъ и пытае: „а шо, диду, не бачывъ ты тутъ воливъ?“—

1) Сказанный „Пидвалъ“ находится, по словамъ очевидцевъ-крестьянъ, верстахъ въ пяти къ сѣверозападу отъ сл. Рубежной; расположенъ онъ по срединѣ широкаго и глубокаго яра, поросшаго густымъ листовинымъ лѣсомъ и составляетъ одинъ изъ самыхъ высокихъ холмовъ въ этой мѣстности. Покрываетъ онъ только мелкимъ кустарникомъ, потому что весь онъ какъ-бы сложенъ изъ каменныхъ плитъ. Одна сторона этого холма постепенно понижается, другая же, противоположная ей, стоитъ отвѣсно, какъ стѣна, такъ что по своей формѣ онъ вполнѣ похожъ на громаднѣйшій подвалъ. На отвѣсной сторонѣ, при самомъ основаніи, стоитъ большая каменная плита, изображающая изъ себя какъ бы дверь подвала, а внизу подъ нею находится дыра, въ которую едва можетъ пролѣзть собака. Говорятъ, что пастухи связывали какъ-то разъ нѣсколько палокъ, втѣнувъ на конецъ кусокъ хлѣба, засовывали хлѣбъ въ эту дыру подальше. Собака лѣзла за хлѣбомъ въ дыру и возвращалась съ нимъ оттуда головою впередъ. Изъ этого видно, что если этотъ холмъ и не подвалъ въ собственномъ смыслѣ, то все-таки внутри его находится порядочное пустое пространство, такъ что собака можетъ въ немъ повернуться. Подвалъ этотъ, какъ говорятъ, былъ построенъ разбойниками, жившими здѣсь лѣтъ около 200

Ни, каже, не бачывъ. Узавъ той дидъ и повивъ ёго по всёму пидвалу. А въ тимъ пидвали чого тилко и нема! И одежда разна дорога, и намысто добре, а грошей—такъ повни бочки й повасыпани, та нетилко бочки и на земли кучи грошей лежать. Отъ дидъ и каже тому чоловікови: „беры соби чого-небудь та тилко одного: хотъ грошей, хотъ одежы, хотъ намыста“. А винъ и каже: дай мени, дидусю, грошей. Взявъ дидъ лопату, насыпавъ ёму повенъ запилъ грошей.

(Х. Маліевка). И теперъ есть одинъ кладъ въ Геёвыхъ могилахъ, три версты отъ слободы Ново-Николаивки, на землѣ А. С. Разъ приснилось А. С., будто онъ сидитъ на тѣхъ могилахъ и куритъ папироску. Въ то время пришелъ къ нему человекъ и говоритъ ему: „раскопай эту могилу, на которой сидишь, и тутъ ты найдешь три боченка однихъ червонцевъ; тогда разбогатишься“. А. С., пробудившись отъ сна, немедленно нанялъ себѣ рабочихъ и пошелъ копать кладъ. Копали они цѣлую недѣлю и докопались до большого камня, подъ которымъ и былъ кладъ. Другой сонъ приснился А. С.—у, будто тотъ самый дѣдъ пришелъ къ нему и говоритъ: „не подкапывайся подъ камень, потому что тамъ три заряженныхъ ружья, они могутъ тебя убить“. А. С. побоялся, въ силу этого предупрежденія, идти копать вмѣстѣ съ рабочими, а эти узнавши, почему онъ не захотѣлъ, и сами побоялись, чтобъ ружья ихъ не побили, и бросили работу. Кладъ тамъ

тому назадъ; въ немъ хранили они свои сокровища, а потомъ заклили ихъ навсегда. Говорятъ еще, что во время крѣпостного права мѣстные владѣльцы нѣсколько разъ принимались разбивать этотъ подвалъ, но ничего не могли съ нимъ сдѣлать; „якъ тилко выйде панщина и почне быть пидвалъ, заразъ явытця чоловікъ на биломъ кони и скаже: покы свита й сонця, вамъ сего пидвалу не розбиты. И скилко за день резибють пидвалу, стилко за ничъ наросте ёго. У кого есть „Ключъ-зилля“, той може взяти шкарбъ изъ пидвала: винъ прыложе руку до дверей, двери одчынятця, возьметця рукою за чепъ, на которимъ привязана собака—и собака провалытця въ таръ-тарары, бо то не собака, а самъ нечистый привязанный стереже шкарбъ. Отъ тоди тилко и можна забраты все зъ пидвала“.

По словамъ крестьянъ, два подобныхъ же подвала съ несмѣтными сокровищами находятся и въ Куянскомъ уѣздѣ: одинъ въ сл. Боголюбовкѣ ниже кладбища, а другой близъ сл. Нижней-Дуванки въ лѣсу. Въ нихъ, кромѣ золота, серебра, мѣди и дорогого платья, находится много разнороднаго оружія, даже пушекъ, спрятанныхъ тамъ татарами.

остался. Старые люди рассказываютъ, что этотъ кладъ за-
клятъ такъ, что никто его не можетъ выкопать, а хотя и вы-
копаетъ, то все равно ружья убьютъ.

СВѢЧА НАДЪ КЛАДОМЪ.

(Х. Маліевка). На Черноглазівському степу бувъ найденый
кладъ, цѣму назадъ уже годивъ десять. Одынъ Буганьскый
чоловикъ пасъ воливъ на степу Черноглаза и побачивъ
тамъ горыть свичка; пидойшовъ до неї, а воно шось ёму
и каже: „шо тоби мылише, те й принеси сюда, и за те ты
тутъ получишь повну скрыню грошый“. Той чоловикъ пи-
шовъ до дому и ставъ зъ жинкою своєю совитатця: шо у
йїхъ мылише, те й оддаты за кладъ. Жинка и сказала ёму:
„у насъ немає ничего мылишаго, кроме старшої дытны;
такъ возьмы вже дытну и получи за неї кладъ, а то все
равно у насъ дитей багато“. Винъ взявъ дытну и понисъ до
попа запричастыты. Пипъ запричастывъ; винъ тоди принисъ
ту дытну до дому и нарядывъ, якъ мертвеця, тоди й понисъ
до кладу. Якъ прыйшовъ винъ зъ дытною до кладу, а воно
шось упяать ёму каже: „скоро выйде зъ земли скрыня зъ гриш-
мы, то ты возьмы роскрый вико и заберы вси гроши, а тоди
положышь туды свою дытну“. Тико воно проказало, а тутъ
и скрыня выйшла зъ земли. Цей тоди роскрывъ вико, поза-
бировъ уси гроши, и якъ выбравъ уси гроши, то хотивъ у
порожню скрыню положыты дытну, та тико намырився їи
класты туды, а стричечка (лента съ головы) у скрыню тико
мыль! А тутъ и скрыня виломъ хлопъ и загула въ землю.
Той чоловикъ зрадился, шо и кладъ ёму достався и дытина
у ёго осталась въ рукахъ: скрыня не пидождала, поky винъ
положе дытну, а саму стричечку прыхлопнула.

Одынъ разъ вечеромъ пидъ Ивана Купала парубкы роскла-
дали костры и запалювали ихъ, тоди черезъ огонь переска-
кували. Якъ стали вони росходытця по домамъ, то два па-
рубкы уздрилы, недалеко одъ слободы свичку и пишылы пря-
мо до неї. И якъ прыйшылы до тїи свичкы, то вона заразъ
увійшла въ землю. Вони стали копаты саме на тому мисти,
де була свичка, и выкопали кладъ.

(Сл. Двурѣчная уч. А. Ковалевская). Шла дѣвка на стра-
сти, смотритъ на дорогѣ свѣча горитъ. Дѣвка сняла съ пра-

вой ноги башмакъ и поставила въ него свѣчку, сама же въ одномъ башмакъ пошла въ церковь. Отстоявъ страсти, дѣвка идетъ къ тому мѣсту, гдѣ оставила башмакъ, свѣчи уже не видитъ, но, надѣвъ башмакъ, находитъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ она стояла, коробку полную серебра.

(Сл. Ново-Николаевка. Уч. А. Склобинская). Назадъ тому годивъ 20-ть, а може и бильше, живъ въ слободи Колодяжній одинъ богатый мужыкъ; у ёго було багато грошей; винъ возмы та й закопай ихъ въ землю, а тамъ була крюча. Передъ смертю ёму одняло ричъ и винъ немогъ вже сказати семьи, де заховавъ гроши. Черезъ стилько годъ сю крючу занесло, замулыло и зовсимъ зривняло; тилько на симъ мисци стала гориты свичка по ночамъ, и було видно ёго правнуку, а бильше нікому. Правнукъ почавъ на тймъ мисти рыты яму, та ні якъ не мусе достати грошей за тымъ, що вони далеко были. Взявъ винъ шесть и почавъ добаты землю, и черезъ скилько дней шесть дійшовъ до казанка. Казанокъ якъ загуде, такъ шо ажъ луна изъ земли пишла. Потимъ того начавъ прямо роскопувати яму и найшовъ казанокъ золота и купынь серебра. Изъ цыхъ грошей часть виддавъ на церкву, а часть соби оставивъ.

(Сл. Тарасовка). Тры чоловика шло разъ зъ заробиткивъ; идутъ вони ввечери, уже темно стало. Дывлятця два, шось впереди красніе,—два бачуть, а третій ни. Ти шо бачуть и кажутъ третёму: „ну шо братъ, иды своею дорогою, а мы останемось“. А винъ не хоче: боиться самъ иты. А ёму и кажутъ: „иды, братъ, наша доля одна, а твоя друга“. Тоди той послухавъ и пійшовъ, а ти два пишли туды, де краснило. Пидойшли, а воно сховалось. Сталы копать; покопалысь и выкопалы бочёнокъ грошей, взяли ёго. Тутъ шось бижить на сирому коню и каже: „видайте сюды!“—Ни, не дамо: це намъ Богъ давъ. Воно десь дилось, а ти хлопци взяли гроши та й пишли своею дорогою.

— Разъ три браты пидъ празныкъ выйшли и вздрилы, у поли горыть свичка. Пишли вони добувати тамъ грошей. Копалы—копалы, докопалысь, а тамъ бочка грошей. Сталы вони ти гроши тягнуть,—де не взявся дидъ-Ладо (!!) зъ довгымъ ножемъ. Якъ замахне той дидъ тымъ ножемъ, та й збывъ шапку старшому брату. Той якъ закрычыть: „ой, караулъ, голову одру-

бавъ"! А дидь замахнувъ у друге: переризавъ поясъ другому брату. Той якъ закрычить: „каравуль, пузо розпоровъ! Дидь замахнувъ кинжаломъ и въ третій разъ: переризавъ третёму халяву. Той закрычавъ: „каравуль, ногу одрубавъ"! Тоди дидь-Ладо каже: „ходить принести мини три головы, такъ возьмете гроши, а не принесете, — грошей не возьмете“. Пишлы уси три браты за головами, прынысли три головы телячьихъ и взяли бочку грошей. Тилько не до дила имъ ти гроши: шо не куплять, — въ руку не йде; воливъ куплять, воли подохнутъ; хату куплять, хата згорить.

— Бувъ одынь чоловікъ убогий, а симья велика; не було у ёго и куска хлиба годувать дитей. Нанявсь винъ берегты хлибъ крайній отъ дороги, по симъ снопивъ одъ сажня. Разъ ввечери винъ йшовъ по межи, баче шось биліе. Підходе — биліе; підійшовъ, ставъ Богу молыться. Помолывсь чотыри разы, ставъ палкою копаты, а воно и сховалось. Прыйшовъ до дому и захворавъ. Полежавъ недиль съ чотыри и, Богъ давъ, одужавъ. Якъ одужавъ, опять пишовъ туды. Помолывсь Богу на тимъ мисти, а воно и забило. Винъ подождавъ ночи; вночи прыйшовъ, ставъ копать и выкопавъ зализный возыкъ и пять мидныхъ тарилокъ.

Кладъ можно взять только съ молитвою.

(Сл. Ново-Николаевка). Ой и жалко жъ мини и доси, шо я не узавъ зъ собою доброго чоловіка; бувъ бы и я багатымъ и знатнымъ! Було се такъ: На однымъ мисти, бачу я, горыть свичка, я и кажу своему сосиду: Грицько, а Грицько! якъ дождемо Велькодня, пидемъ копаты клада въ такимъ то мисци. Диждалы Велькодня, пишлы мы обое. Порывся я трохы, потимъ винъ, а дали я опять, а винъ лигъ и заснувъ. Копавъ, копавъ я, дывлюсь — казанокъ золота. Я ёго обкопавъ и будю товариша, кажу такъ: вставай! намъ Господь посыла счастье и благодать; а винъ и одвича: де тамъ въ лихой годыни те счастье! Тилько се сказавъ, а казанокъ якъ загуде въ землю, — тилки я его и бачывъ.

— Разъ оравъ мужыкъ въ поли и выоравъ сундучокъ грошей, та взаты не мусе. Винъ пишовъ тоди до пона и попросывъ ёго одслужыты молебень на тимъ мисти, тоди и взявъ.

(Сл. Ново-Глуховъ). Ъхалъ мужыкъ по дорогѣ и видитъ, въ

сторонѣ горитъ свѣча. Приѣхавши домой, взялъ съ собою сына, отправился съ нимъ къ тому мѣсту, гдѣ видѣлъ горѣвшую свѣчу. Начали они копать тамъ яму и докопались до подвала. Видятъ дверь; откопали ее и стали отворять,—дверь не отворяется. Тогда мужикъ началъ браниться, дверь отворилась, но вмѣсто клада, оказались тамъ одни черепки.

Кладъ достается по назначенію.

(Сл. Араповка). Пишовъ одиный чоловікъ пидъ Велькедень шкарбивъ шукаты, дывиться, горыть въ поли свичка. Ставъ винъ копаты на тимъ мисти; копавъ, копавъ та й задримавъ. Ему и сныться: не выкопаешъ ты самъ цѣго шкарбу, а хыба зъ оттакымъ то пьяницею. Пишовъ винъ, найшовъ того пьяницю въ шынку, розказавъ ёму, шо зъ нымъ було, и просе, шобъ винъ пишовъ зъ нымъ копаты. А пьяница выхватывъ у ёго лопату тай каже: „якъ шо то мій шкарбъ, то я ёго и тутъ возьму“. Та й ударывъ лопатою объ землю,—гроши такъ и посыпалысь изъ земли.

— Вышелъ дѣдъ въ новыхъ выбойчатыхъ штанахъ въ свой вишневы садокъ, взглянулъ черезъ плетень къ сосѣду и увидѣлъ, что тотъ копаетъ подъ деревомъ яму, а около него стоятъ кубышки. Эге, подумалъ дѣдъ: „це мабуть гроши ховае“, и притаился за плетнемъ. Сосѣдъ выкопалъ яму, высыпалъ туда изъ кубышекъ деньги прикрылъ ихъ бурьяномъ и, взявши кубышки, пошелъ въ домъ. Дѣдъ тотчасъ чрезъ плетень въ садъ къ сосѣду, да къ ямѣ, да за деньги. Но вотъ бѣда денегъ много, а взять ихъ не во что. Недолго думая, штаны долой и набралъ въ нихъ денегъ, а оставшіеся въ ямѣ снова прикрылъ бурьяномъ; перелѣзъ къ себѣ въ садъ, сѣлъ подъ плетнемъ и ждетъ, что дальше будетъ дѣлать сосѣдъ. Тотъ возвратился къ ямѣ и, не замѣчая похищенія, забросалъ ее землею. Потомъ сравнивалъ на ней землю и, прибывая лопатой, сталъ заклинать кладъ: „идите, мои деньги, въ Кіевъ, доставайтесь, мои деньги, Лукьяну—безъ просыпу пьяну“. Деньги, бывшія въ ямѣ, такъ и загули, съ ними загули въ землю и взятыя дѣдомъ; да не сами, а вмѣстѣ съ его штанами. Остался дѣдъ безъ новыхъ выбойчатыхъ штановъ. Не успѣлъ переступить хатній порогъ, какъ напустится на него баба: гдѣ ты, такой-сякой пьяница, дѣлъ новые штаны? Пропилъ,

волоцюга! Дѣдъ сталъ было объяснять что и какъ... Да что подѣлаешь съ расхोдившейся бабой? никакихъ объясненій и оправданій слушать не хочетъ. Наконецъ, сказала, чтобы онъ сейчасъ-же отправлялся въ Кіевъ къ Лукьяну, если разскажъ его не брехня. Дѣлать нечего: взялъ дѣдъ сумку сухарей за плечи, палку въ руки и пошелъ въ Кіевъ. Приходитъ въ Кіевъ... Гдѣ искать Лукьяна? Зашелъ въ первый шинокъ, поздоровался съ шинкарой и попросилъ четвертку горилки. Но съ кѣмъ ее выпить? Смотритъ, подъ лавкой лежитъ мужикъ въ новыхъ выбойчатыхъ штанахъ, спитъ. Разбудилъ его легонько и предложилъ ему распить четвертку. За первой выпили вторую, за второй третью, а послѣ третьей и побратались. Оказалось, что названный братъ и былъ тотъ самый Лукьянъ, котораго искалъ дѣдъ, да и штаны на немъ были дѣда. Пригласилъ Лукьянъ къ себѣ дѣда ночевать, угостилъ его хорошенько, а утромъ отдалъ ему штаны и далъ еще пироговъ на дорогу. Идетъ нашъ дѣдъ весело домой да и захотѣлось ему какъ разъ на днѣпровскомъ мосту поснѣдать. Взялъ разложилъ пирогъ, а въ немъ, вмѣсто начинки, деньги. Эге, думаетъ старикъ, теперь не обдурьшъ, ни, лыха лычына, не обдурьшъ! Сложилъ всѣ данныя Лукьяномъ пироги съ деньгами, вмѣсто начинки, въ одну кучку на мосту закрылъ глаза и прошелъ мимо нихъ, да и зашагалъ себѣ, не оглядываясь, домой. Соскучилась по дѣду баба, частенько выглядываетъ на улицу. А вотъ и онъ въ выбойчатыхъ штанахъ. Обрадовалась баба, выбѣжала къ нему на встрѣчу, разцѣловала его, какъ въ былые годы.

(Сл. Преображенская). Пасъ одинъ мальчикъ-работникъ въ полѣ воловъ, да какъ-то прикурнулъ подъ стогомъ и потерялъ вола. Проснувшись, ходилъ, ходилъ по полю, не нашелъ, и погналъ остальныхъ домой. „А гдѣ же сѣрый волъ?“ спросилъ его хозяинъ.—Да я нечаянно уснулъ и не знаю, гдѣ онъ дѣлся. „Такъ вотъ какъ бережешь ты хозяйское добро?! развѣ тебя спать нанимали? Ступай же куда хочешь, чтобы мнѣ сейчасъ-же былъ волъ, а не найдешь, такъ и домой не являйся!“ строго приказалъ хозяинъ. Мальчикъ пошелъ снова искать. Искать, искать,—нѣтъ вола; самъ страшно усталъ и прозябъ, такъ какъ дѣло было уже подъ осень; смотритъ, а подъ лѣскомъ стоитъ избушка. Дай, думаетъ, зайду въ эту хатку, обогрѣюсь и спрошу хозяина, не видалъ-

ли онъ быка. Вошелъ въ хату. „Здравствуйте!“ Никто не откликается. Осмотрѣлъ онъ хату,—нѣтъ никого, и полѣзъ себѣ на печь. Вдругъ въ сѣняхъ что-то застучало; мальчикъ вздрогнулъ, приподнялся и смотритъ черезъ коминъ. Заскрипѣла дверь, вошелъ въ хату человекъ съ заступомъ въ рукахъ и, не замѣчая мальчика, сталъ копать яму. Когда яма была готова, онъ поставилъ туда котелъ золота, а самъ за чѣмъ то вышелъ въ сѣни. Пастухъ мигомъ соскочилъ съ печи, набралъ въ шапку денегъ и опять на печь, а человекъ, воротаясь въ хату, сталъ читать надъ деньгами заклинаніе. Только что кончилъ; деньги съ котломъ такъ и загудѣли подъ землею, а тѣ съ печи брызъ, брызъ, брызъ! и то-же исчезли. Пастухъ испугался да какъ закричить. А тотъ человекъ глядя на коминъ и увидѣлъ мальчика. „Кто ты? чего ты?“ спрашиваетъ мальчика. Тотъ все рассказалъ ему откровенно. Тогда человекъ, закладшій кладъ, сказалъ мальчику: „ну, хорошо, пусть же этотъ кладъ будетъ твой, но только ты воспользуешься не раньше, какъ по истеченіи срока, на который онъ заклятъ мною.

Кладъ въ образѣ старика.

Когда исполнится срокъ заклія, кладъ бродитъ по землѣ и показывается достойнымъ людямъ или вообще счастливымъ то въ образѣ старика, то въ видѣ разныхъ животныхъ. Это наиболѣе благопріятное время, чтобы взять кладъ; стоитъ только ударить его „навидльвѣ“ палкою изъ клещальной осыки и сказать: аминь, аминь, розсыпся! „Иногда достаточно даже одного прикосновенія, чтобы кладъ тотъ-часъ-же разсыпался звонкою монетою. Если же кладъ является въ образѣ старика, то слѣдуетъ исполнить его просьбу и онъ мигомъ превратится въ деньги. Пользоваться этими деньгами вполне безопасно, потому что въ это время кладъ не состоитъ уже во власти сатаны.

(Сл. Кабаня). Разъ одна жинка шла по лису мижъ дубьямъ, тамъ, де все казали, шо закопанный шкарбъ. Иде и баче,—стоитъ пидъ дубомъ дидъ и сопли розвисывъ. Дидъ начавъ махаты на ту жинку: „иды, каже, молодыце, утры мени носа. Вона пидійшла до дида и стала втыраты ему носа. Тилько вона хотила утерты соплякы,—дидъ розсыпався и стали одны

червонци. Та жинка взрадовалась, набрала повну пелену грошей и ишла до дому. Жинка та йшла по лису якъ разъ пидъ Иванивъ день вечеромъ.

(Сл. Преображенская). Пошла одна женщина въ лѣсъ за орѣхами и вдругъ встрѣчаетъ тамъ отвратительной наружности старика; полушубокъ на немъ изорванный, лицо въ грязи, а изо рта такъ и течетъ слюна. Въ страхѣ она бросилась было бѣжить, но старикъ остановилъ ее и просить: „утри меня!“ Женщина повинувалась, но только лишь прикоснулась къ нему, какъ онъ брызъ—и розсыпался деньгами.

(Сл. Нижняя Дуванка). Когда я былъ еще пастухомъ, говорилъ одинъ пожилой крестьянинъ, то разъ ночью явился ко мнѣ въ полѣ глубокий старикъ и просить, чтобы я утеръ ему носъ. Но я сильно испугался и сталъ будить своего товарища. Когда товарищъ проснулся, старикъ исчезъ.

(Сл. Двурѣчная). Вышелъ церковный сторожъ изъ сторожки нарубить дровъ. Дѣло было зимою, товарищъ сторожа ушелъ домой. Нарубилъ сторожъ дровъ, смотритъ, на горѣ стоитъ человекъ и по снѣгу чертитъ что-то палочкой. Сторожъ, принявъ его за своего товарища, сталъ звать его рубить дрова, а потомъ, какъ тотъ оставался все на одномъ мѣстѣ, сталъ бранить его, и наконецъ, разсердившись, бросился на своего помощника, схвативъ первое попавшееся подъ руку полѣно. Человекъ, стоявшій на горѣ, двинулся тогда навстрѣчу; сторожъ подбѣжалъ къ нему и со всего размаху огрѣлъ полѣномъ... серебро такъ и покатилося по снѣгу. Сторожъ собралъ шкарбъ и настолько обогатился, что немедленно же оставилъ свою службу при церкви.

Но не всегда старикъ служить прямымъ олицетвореніемъ клада; въ иныхъ разказахъ онъ является для того, чтобы только дать денегъ или сказать, гдѣ слѣдуетъ рыть кладъ.

(Сл. Кабанья). Разъ пидъ Велькдень йшла жинка до церкви. Жила вона въ хутори, а до церкви йшла въ слободу. На выгони пидъ слободою та жинка побачыла, що хто то топе,—лежить велика куча жару. Вона шидійшла до того жару погриты руки, такъ якъ тоди було холодно. Пидійшла и баче, тамъ сыдыть дидъ. Огонь красный, а борода, у дида ще краснишъ. Дидъ и каже тій жинци: „потрусы мене за бороду, я дамъ тобі за це жменю жару“.—Такъ жаръ буде пек-

ты въ руку, каже жинка: що я зъ нымъ робытому? Вона бачъ, та жинка не боялась, такъ якъ чула, що пидъ Велькденъ являютьця шкарбы, а видтого и потрусыла ёго за бороду. Дидъ и вкынувъ ий въ заполу жменю жару и каже: „пидъ жъ теперъ та й згадаешъ колысь и мене!“ Баба одійшла тропки отъ дида та й дума: а дай подывлюсь, що воно тутъ за жаръ въ пелени. Колы подывылась, ажъ воно повна жменя грошей, та сами червонци. Тоди та жинка и каже: охъ така жъ я нерозумна, що мало за бороду трусыла; бачъ разъ типнула, а винъ разъ и жару вкынувъ, а воно це не жаръ, а гроши; дай вернуса та ще потипаю, чы не дастъ ще жару. Колы вернулась, а воно того и миста не видно, де це було.

(Сл. Двурѣчная). У одной бѣдной вдовы было двое дѣтей. Разъ къ ней вечеромъ явился сѣдой старикъ и сказалъ: „пойди ты къ лѣсу, тамъ съ правой стороны его найдешъ яму; ты разрой правую ея стѣнку: тамъ твоихъ дѣтей счастье. Съ лѣвой же стороны ямы, если что и найдешъ, не трогай. Когда будешъ рыть, будетъ сильный шумъ, но ты не бойся его, а читай все молитвы. Сказавши это, старикъ исчезъ. На другой день вдова, пригласивши сосѣдку, пошла съ нею къ указанному старикомъ мѣсту, нашла яму и стала въ ней рыть. Раздался страшный шумъ, полетѣли въ яму камни, но не попадали въ женщинъ: тѣ не переставая читали молитвы и продолжали рыть. Съ правой стороны ямы вырытъ былъ боченокъ серебра, которымъ вдова тамъ же и подѣлилась съ сосѣдкой, на лѣвой сторонѣ также былъ найденъ кладъ, но какъ видѣніе запретило вдовѣ трогать что-либо съ лѣвой стороны ямы, то онѣ и не тронули его и благополучно принесли домой найденное серебро.

(Сл. Ново-Николаевка). Жывъ соби одинъ бидный-пребидный чоловикъ, и пишовъ винъ шукать счастья. Ходывъ-ходывъ, ничего не найшовъ. Вдругъ встрився зъ нымъ старыкъ и спрашуе ёго: „куда Богъ несетъ?“ — Ходывъ, бачъ, шукать счастья, щобъ буты багатымъ, та й ничего не найшовъ. „На тоби, каже той старикъ, шо пытався, цю хлибыну та несы ии своему сыну; винъ буде багатый и тебе до смерти догодуе. Та гляды никоу не отдавай ии!“ Чоловикъ взявъ хлибыну, а той, шо давъ, хто й зна де й дився. Иде чоловикъ зъ хли-

быною мимо шинка, — дай, каже, зайду, выпью чарочку и отдохну. Взявъ и зайшовъ. Черкнувъ чарочку, другу и хотивъ ламаты ту хлибину на закуску; забувъ вже, шо ёму приказано, а шинкаръ и каже: „обминяй мени, диду, свою чорству хлибину на мою мяку“. Дидъ обминявъ. Шинкаръ якъ ризавъ хлибину, а вона повна червонцивъ. И здилався винъ такимъ багатемъ на все село, шо страсть, а того чоловіка сына такъ и пропало счастье. Давався ему кладъ, та не вмивъ слухатись!

(Сл. Араповка). Ишовъ одинъ чоловікъ на Великдень до утрени та й споткнувся на щось удвори. Воно покотылось одъ ёго и забрызчало, а винъ и дума: вчора я самъ неначе все чысто прыбравъ у двори, — шо же це воно валяется? Нахылывся винъ, ставъ шукаты и найшовъ крышку зъ горилочного видра. Взявъ винъ ии и однисъ у хату, а самъ пишовъ до церкви. На свитанни невестка его выйшла на двиръ взаты трисокъ у пичъ. А въ ныхъ на двори була пыльна, шо дерево на ній пыляють. Дывытця невестка, пидъ пыльнею сыдыть чоловікъ, старый, старый, та й маха на неи рукою, шобъ пидійшла до ёго. Вона злякалась и побигла въ хату. Попрыходылы съ церкви, вона розказала, шо вона бачыла; пишлы поглядиты, а чоловіка пидъ пыльнею уже не було. Ото имъ являвся шкарбъ, та невмилы воны ёго взаты. Та вже ажъ въ осени стали хлопци погрибъ копаты, а старый сыдыть коло ныхъ, дытynu держе. Сыдивъ, сыдивъ та й задримавъ, а ёму й снытця, неначе хто каже ёму: копайте въ оттой вуголь, тамъ гроши, та тилко якъ возьмете ихъ, то вси будете въ скверній болисти. Проснувся старый та й дума: такъ ка-зна шо прыплететця; та й упбять задримавъ и выпбять ёму тежъ снытця. Проснувся винъ та й каже: „а ну, хлопци, стругнитъ лышынъ отой уголь: винъ неначе у васъ трохе крывый“. Сынъ стругнувъ разивъ два, дывытця, ажъ тамъ дирка, а въ ній стоить горилчане видро, повне золотыхъ. Взялы воны те видро, стали примираты крышку, шо старый найшовъ пидъ Великдень у двори, и крышка якъ есть прийшлась. Съ тыхъ поръ воны стали багати и выкупылись на волю (воны были паньски), а все такы, такъ якъ и прысмылось старому, вси были въ скверній болисти.

Кладъ въ видѣ коня или жеребенка.

(Сл. Двурѣчная). Везъ человекъ въ Купянскую больницу своего сына, смотритъ, а за нимъ конь бѣжитъ. Остановился этотъ человекъ ночевать въ полѣ близъ дороги, конь не отходить отъ повозки и тутъ же себѣ ложится. Пошелъ человекъ въ лѣсъ, срубилъ хорошую дубинку, подошелъ къ коню и ударилъ его по головѣ,—голова и разсыпалась серебромъ; ударилъ вторично коня по ногѣ,—всѣ ноги сразу превратились въ кучки серебряной монеты; а какъ ударилъ въ третій разъ по туловищу,—не стало коня, а только груды самого серебра лежала.

(Сл. Кабанья). Въ слободѣ Поповцѣ, шо на р. Жеребцѣ, е и теперь садъ коло рички; а въ тимъ садку, якъ казали вси людѣ, бувъ шкарбъ. Объ цимъ гомонили людѣ ще й давно, може на тимъ мистѣ и садка не було, такъ якъ людѣ часто бачили, шо съ того садка выскакуе сирый кивъ и такый хорошей, шо ёго уже наче лучшего и нема. Ото и распустыли мову, шо де выскакуе изъ садка шкарбъ. Изъ-за цѣго самого шкарба взяла охота одного багатого мужыка, ти же слободы купити той садокъ. Одынъ разъ роботникъ того мужыка йшовъ зъ поля пиздного вечера до дому мимо того садка. Якъ дывытьця въ садку шось горыть и горыть такъ здорово, якъ будто здоровый пужаръ. Прибига роботникъ до дому, а хазяинъ ёго пыта, акъ тамъ на поли, а винъ такъ злякався, шо й слова не скаже. Тришки згодомъ винъ розказавъ хазяину, шо въ садку шось горыть такъ здорово, шо й дывытьця нельзя. Мужыкъ той и догадався, шо въ садку ёго горыть той самый шкарбъ, о котрымъ усе балакають людѣ, шо винъ выбигае сирымъ конемъ. Тоди хазяинъ сказавъ роботнику: „якъ ще побачышь, шо буде горити, такъ прыдывысь и замишь те мисто, де воно саме горыть. Днивъ черезъ десять роботникъ и въ другой разъ перелякався пужарю въ садку, та замитивъ те мисто, де воно горило и сказавъ своему хазяину. На другій день пишли подывытьця на те мисто, де саме горило. Щобъ же було имъ тоди заразъ и копаты! А то ще покы зибрались воны,—бачъ думали, шо въ нашимъ садку наше й буде, колы не пидемъ, тоди и выкопаемъ. А вышло не такъ. Черезъ неділю пишли воны шкарбъ копаты, ажь воно тико мисто то знаты, де бувъ

шкарбѣ. Тоди стоить хазяинѣ тай каже: „не лѣха година? було счастья въ рукахъ, та не вмиѣвъ взаты! Воно мабутъ якъ гомонили объ цимѣ, а людѣ чулы, та й выкопалы попередъ насъ“ Якъ цей шкарбѣ выкопалы, такъ це було чотыри года назадъ.

(Г. Купянскѣ). Жылы соби людѣ. Дило було весною. Копалы на вгородѣ. У нихъ бувъ хлопчикъ маленький,—сыдыть соби въ хати та граетьця. Отъ къ ёму выбигло лоша съ пидъ покутя и бигаетъ по хати: и-го-го, и-го-го! Прийшла маты за обидомъ, а хлопчикъ и каже: „мамо, мамы! съ-пидъ покутя лоша выбигало, та й бигаетъ та й ржетъ“.—А ты, сынокъ, позовы мене, якъ воно выбижыть. Та й пишла зъ хаты, а лоша съ-пидъ покутя. Той хлопчикъ зъ хаты: „мамо, мамы! идить, лошадка бигаетъ“. Прийшла маты, ажъ воно скрылось, не показуетця ий. Отъ вона й каже, „ну, сынокъ, якъ воно выбижыть ты и скажы: Господы, благословы, тпру!“ И пишла изъ хаты, Отъ воно выбигло и бигаетъ по хати: и-го-го! А винъ, той хлопчикъ, схватывся та й: Господы, благословы, тпру! Такъ и по котылысь зъ того лошаты гроши, сами золоти. Той тоди хлопчикъ схватывся та й ставъ шапкою тѣи гроши на пичъ носыты, а потимъ сказавъ батькови и матери. Помолылысь вони Богу, забрали гроши и стали багати.

(Хут. Маліевка). Одынъ чоловикъ пидъ Новый годъ выйшовъ зъ хаты положиты сина свой кобыли; дывыця, а лоша чіесь стоить коло ёго кобылы. Винъ побигъ тоди у клуню, ухватывъ тамъ выла, прыбигъ до лошаты, намырився быты ёго и крыкнувъ: „но! шобъ ты сказылось! прйшло сюды исты си-но“, и якъ опереже его вылами, а воно такъ и розсыпалось. Винъ злякався, дывытьця, ажъ зъ того лошаты сами червонцы лежать.

(Сл. Ново-Николаевка). Жыла соби одна бидна вдова. Отъ разъ вона сыдыть соби и тче холсты, якъ, дывытьця, вбигаетъ въ хату и прямо до еи биленький жеребеночокъ. Вона и каже: „Господы, що це таке?“ и ударила ёго човныкомъ, а изъ го такъ и посыпалось золото и серебро. Удова съ тыхъ поръ стала багата.

Кладъ въ видѣ собаки.

(Сл. Двурѣчная). За лѣсомъ стояла могила, а въ ней былъ, такъ говорили, кладъ. Вотъ три мужика и задумали достать

этотъ кладъ. Идутъ они разрывать могилу и зовутъ съ собою четвертаго, а тотъ отказывается, говоритъ: „зачѣмъ я пойду съ вами: если Богъ дастъ, то мнѣ и въ окно подастъ“. Приглашавшіе разсердились на такой отвѣтъ сосѣда и пошли сами. Разрыли они могилу, но денегъ въ ней не нашли, а выкопали мертвую собаку. Тогда съ досады взяли ее и понесли въ слободу; тамъ, подошедши къ хатѣ сосѣда, не захотѣвшаго идти вмѣстѣ съ ними рыть, бросили собаку прямо чрезъ окно въ хату. Собака такъ и разсыпалась по хатѣ серебромъ.

Изъ многихъ вариантовъ этого разсказа приведемъ одинъ записанный въ сл. Ново-Николаевкѣ.

Жыло соби два брата. Отъ одинъ и каже: „брате, а брате, ходимъ клада шукать“. А другой и одвича: на шо намъ шукать: якъ Богъ дастъ, такъ и въ викно подастъ, и лигъ соби спаты. Той пишовъ самъ. Ходывъ-ходывъ, ничего не найшовъ; дывытьця—лежытъ мерзла собака. Винъ розсердився и думаетъ соби: возьму я сю собаку и брошу брату у викно, нехай тоди каже: якъ Богъ дастъ, такъ и въ викно подастъ. Такъ и зробывъ. Взявъ собаку за ноги, та якъ пошпуре у викно брату, а изъ неи такъ и посыпалысь червоньци. Тоди ёго братъ ему съ печи и каже: „а шо? яжъ тоби казавъ, шо якъ Богъ дастъ, такъ и въ викно подастъ“.

Кладъ въ видѣ быка или теленка.

(Сл. Кабанья). У насъ надъ ричкою е лисъ; въ тимъ лиси лощина, де колысь було гульбыще: паны гулялы. Якъ зійдешъ на те гульбыще, такъ выще трошки гульбыща направо есть глыбока яма. Изъ тій ямы часто, бачылы люды, выходе быкъ. Того быка и ловылы, та не вловылы: якъ тико до ямы добижытъ—быка й нема, хто ёго зна, де винъ и диваетця. А подѣ Велькдень тамъ каженъ годъ горытъ свичка. По цѣму самому и кажуть, що тамъ е шкарбъ. Цей самый шкарбъ, що въ Кабаньемъ на гори, на гульбыщи, ходылы копаты два мужыка. Вони бралы съ собою шипъ въ два аршыны, щобъ узнаты, де саме находятця гроши. Люды все казала, що въ земли, саме тамъ, де лежать гроши, лежытъ крейда, и цѣю крейдою обмазани гроши. Отъ потому то ци мужыкы и взяли довгый шипъ, щобъ узнаты, де находятця шкарбъ. Отъ ти мужыкы стали шипомъ пробуваты по углахъ; и де не пробували, все за ши-

помъ вытягивалы землю, а въ одномъ мисти якъ попробовалы, а воно и вытянулась била глына. Тоди ти мужыкы началы копаты гроши. Та ба, мабуть время имъ не выйшло: якъ трошкы прокопалы, то имъ стало страшно, такъ страшно, що вони взяли тай бросылы.

(Сл. Ново-Николаевка). Жылы соби дидъ та баба и у ныхъ була дочка-дивочка. Отъ разъ вони выйшлы съ хаты, а въ хати осталась сама дивочка. Глядь до порога: иде золоте телятко. Дивчинка побигла тоди и сказала батькови и матери. Батько и приказавъ їй те теля звязаты, а самъ почавъ вертиты дирку въ стини. Трошкы съ годомъ увійшлы вони, батько и маты, въ хату, а у ныхъ уже высытъ казанокъ золотыхъ.

Кладъ въ видъ барашка.

(Сл. Кабанья). Разъ пидъ Велыкдень одна симья пишла до церкви, а дома оставылы маненьку дивчину. Ночью та дивчина проснулась и стала на полу, де спала. Дывытьця, зъ пидъ полу выскочывъ баранчыкъ и почавъ бигаты по хати: то стрыбне, то перекинутьця, то на лавку стрыбне, а зъ лавкы на стилъ, зъ стола до долу. Такъ той баранчыкъ стрыбавъ разивъ зъ пять то туды то сюды. Писля прыскочывъ до дивчины, ставъ їи нюхаты и перекидаться коло неи. Такъ той баранчыкъ товкся коло дивчины довго, мабуть часивъ два, покы не почувъ, що дверьмы хтось застукавъ—то йшлы батько и маты изъ церкви. Тоди якъ скакне та прямо пидъ пилъ и сховався. Якъ ввійшлы въ хату батько и маты, то стали дивчину пытаты: „чого ты не спышь?“ Дивчына тоди сказала, що по хати бигавъ баранчыкъ и не дававъ спаты. Батько полизъ пидъ пилъ шукаты того барана, та ничего не нашовъ: не ёго доля.

(Сл. Преображенная). Шелъ ночью человекъ изъ одной деревни въ другую; вотъ какъ разъ на полпути неизвѣстно откуда взялся ягненокъ, такой бѣленькій, курчавый, и сталъ упорно слѣдовать за нимъ, то въ нѣсколькихъ шагахъ сзади, то съ боку, то забѣжитъ напередъ и катится по дорогѣ. Сначала путнику было какъ-то жутко, но потомъ онъ ободрился и какъ хватить его палкой. Барашекъ такъ и рассыпался передъ нимъ деньгами.

Кладъ въ видѣ свиньи.

(Сл. Двурѣчная). У одного крестьянина было двѣ хаты: старая и новая. Когда хозяева стали ложиться спать въ новой хатѣ, то изъ подъ припечка каждую ночь вылезало что-то въ видѣ свиньи и, расхаживая по хатѣ, говорило: худо тутъ, худо тутъ, худо тутъ!.. Хозяева были этимъ напуганы. Разъ приходитъ къ нимъ солдатъ и просится почевать. Хозяева помѣстили его въ новой хатѣ, а сами легли въ старой. Ночью вылезла изъ подъ припечка свинья, подошла къ солдату и говоритъ: худо тутъ, худо тутъ! А солдатъ ей: „а ты чего тутъ, если тутъ тебѣ худо?“ да и выстрѣлилъ въ свинью изъ ружья. Она и разсыпалась серебряными монетами. Серебра было такъ много, что солдатъ бралъ, бралъ—и не могъ всего забрать, еще много и хозяевамъ оставилъ.

Иногда, впрочемъ, кладъ не является въ опредѣленномъ образѣ, а заявляетъ о своемъ присутствіи лишь крикомъ.

(Сл. Ново-Николаевка). Одынъ чоловікъ купивъ собі хату и перебрався туды съ симьею жыты. Пожывъ тамъ трохи, ничего не було, а потимъ того почала являтыся оказія така: за едно стеля крычыть „ой упаду, ой упаду!“ Винъ мучывся, мучывся—страшно жыты, и вийшовъ изъ ней геть. Якъ тыею слободою проходе салдатъ, а той чоловікъ и роскажи ему все, якъ було. А салдатъ и каже: „чаво страшна? давай я въ ней буду жить. Я не боюсь ничаво: на службѣ служилъ—въ агнѣ не гарѣлъ, въ вадѣ не танулъ; не прападу!“ Мужикъ обрадовався и повивъ салдата въ свою хату. Ввийшовъ салдатъ въ хату, а стеля: „ой упаду, ой упаду!“ Салдатъ одвичае: падай, падай! Тилько успивъ винъ це сказаты, якъ стеля обрушилась, а изъ ней такъ и посыпались червонци. Салдатъ ставъ багачемъ, а мужикъ—дуракомъ.

Кладъ въ видѣ пѣтуха.

(Сл. Тарасовка) Пишовъ чоловікъ въ ярѣ по воду и побачивъ, стоить у яру стиль, а на столи шось красне, якъ жаръ. Винъ пишовъ тай сказавъ домашнимъ; ти прыйшли, а его уже нема. А то бувъ шкарбъ, винъ показується тилько тому, у кого доля счаслива. Домашни сказали: „пидемъ геть: винъ упьять ему покажется“. Пишли, а той чоловікъ остався.

Шкарбъ показавсь: стоить на столи красный пивень. Чоловикъ и баче та боиться приступить до нѣго. Осмыльвсь, и помолывсь Богу, ставъ пидходить: пидходе и крестытьця, крестытьця та пидходе. Пидійшовъ, а воно стало багато грошей.

— А то одынъ бидный чоловикъ нанявсь плугатыремъ. Разъ винъ оравъ зъ своимъ погонычемъ. Оралы, оралы до пизнѣи ночи и выпрягли воливъ. Наварыли каши, наились; погонычъ лигъ спаты, а плугатырь пишовъ до воливъ. Напасъ воливъ и тожъ лигъ спаты. Пидъ зорю прокынувсь, подыввсь на воливъ и побачывъ пивня, стоить за воламы. Винъ вставъ, помолывсь Богу, взявъ сокыру и пишовъ шкарба копаты на тимъ мисти, де пивня вздривъ. Копавъ, копавъ и докопавсь до грошей; забравъ гроши и ставъ багатый: переставъ найматьця, а ще соби роботныкивъ наймавъ.

— Пасъ парень скотыну. Вечери гоне до дому, а на перехрестнѣи дорози стоить пивень, рушныкомъ пидперезанный. Хлопецъ и не догадавсь, що воно таке. Прийшовъ до дому та й каже батькови: „якъ гнавъ я скотыну до дому, стоявъ на дорози билый пивень, рушныкомъ пидперезанный, да незнаю, де дивсь.“ — Дурень ты, сынку, тыбъ помолывсь, та кынувъ на нѣго шо-небудъ: то тоби Богъ шкарба дававъ. Ничого хлопецъ не розибравъ, а въ ранци погнавъ скотыну пасты. Вечери гоне до дому—стоить билый пивень, пидперезанный рушныкомъ. Хлопецъ кынувъ палку и попавъ въ пивня, пивень и розсыпавсь гришмы. Парень помолывсь Богу, зобравъ гроши въ рушныкъ и принисъ до дому, отдавъ батькови. Сталы вони торговать лавкою.

(Х. Маліевка). Одна жинка вечеромъ пидъ Покрову гнала зъ череды до дому свою корову и уздрила пивня, щъ бигъ по дорози, и погналась за нимъ. Винъ побигъ прямо у ии хату и зскочивъ на горище. Вона соби туда, и вдарыла ёго палкою; винъ превратывсь въ червонци.

Кладъ въ видѣ квочки.

(Сл. Двурѣчная). Церковные сторожа легли спать, смотрять, изъ-подъ пола вылезать квочка съ цыплятами. Сторожа и спрашиваютъ ее: „ты чего сюда, чи на худо, чи на добро?“ Она молчить, ничего имъ не отвѣчаетъ. Тогда одинъ изъ сторожей всталъ и убилъ цыпленка; смотрить, а тамъ кучка серебра.

Вскочилъ и другой сторожъ и ну бить цыплятъ; отъ удара каждый цыпленокъ рассыпался серебромъ. Перебили сторожа всѣхъ цыплятъ, убили и квочку и набрали много серебра.

(Сл. Тарасовка). У однихъ людей въ хатыни стала въ ночи квочка квохтать. Злякались хозяева, перестали тамъ лягаты и двери заперлы. Просытця прохожый салдаты до нихъ почуваты. Хазяева и кажуть: „служывый, мы бѣ тоби и ради, та у хати у насъ тионо, а въ хатыни не можно жыты: шо ничъ стогне, квокче, шось пужаетъ. Боимось и не лягаемъ“. Дарма, каже служывый, нехай квокче, я не сробѣю. Лигъ винъ самъ у хатыни. Тилько ставъ винъ дриматы,—квочка якъ за-, квокче. Салдаты якъ вскоче и накрывъ ии свытою, а квочка и розсыпалась гришмы. Збудывъ салдаты хазяевъ: „свитить, люды добри, свитло: намъ Богъ шось давъ“. Зазвенилы гроши якъ воны дилылись съ салдатомъ. Подилыли поровну и служывый подякувавъ за кватырю и пишовъ своею дорогою.

Не всегда, однако, такъ легко и просто достается кладъ. Нерѣдко добываніе клада сопряжено бываетъ съ непріятностями и опасностями разнаго рода, а особливо добываніе заклятыхъ кладовъ, оберегаемыхъ нечистою силою. Вообще безъ соблюденія условій, требуемыхъ заклятіемъ, брать кладъ весьма опасно, чаще же его совсѣмъ взять нельзя. Надобно сперва такъ или иначе уничтожить силу заклятія, разрушить чары, тогда только и можно избѣгнуть страшныхъ послѣдствій зорока.

(Г. Купянскъ). Жилъ себѣ мужичекъ старенькій, престаренькій; накопилъ онъ много денегъ, отнесъ ихъ подъ лѣсъ и закопалъ тамъ. А другой мужичекъ оралъ подъ лѣсомъ и увидалъ это дѣло, что деньги закапываетъ, пришелъ и сказалъ двумъ своимъ товарищамъ: „пойдемте со мною сегодня вечеромъ подъ лѣсъ: я видѣлъ какъ человекъ закапывалъ тамъ деньги“. Пошли они туда. Видятъ, въ дали свѣча горитъ. Подходятъ ближе и ближе, смотрятъ, пасется тамъ же подъ лѣсомъ вороной конь. Они приблизились къ этому мѣсту,—свѣча горитъ все яснѣе. Но стануть они втроемъ подходить, свѣча тухнетъ; одойдутъ—опять горитъ. Отошли они въ сторону и говорятъ: „отчего она насъ не допускаетъ? значитъ, намъ не полагается всѣмъ вмѣстѣ подходить къ ней; давайте идти по одному“. Пошолъ прежде всѣхъ тотъ, что первый

увидѣлъ свѣчу. Подходить, свѣча горитъ, не тухнетъ, все яснѣй горитъ. Подошелъ, перекрестился, взялъ лопату и началъ копать. Подходятъ товарищи, стали съ нимъ вмѣстѣ копать. Вырыли яму аршина въ три, а тамъ закаятая лежитъ голова человѣчья. Они взяли и вынули изъ ямы эту голову. Смотрятъ на то мѣсто, гдѣ вырыли яму, а ее какъ небывало: земля сошлась, слѣда не видно. Взяла ихъ оторопъ, но не бросили они своего дѣла: опять пачали копать. Копаютъ,—какъ заржетъ, какъ загремитъ вороной конь—они въ разныя стороны разбѣжались и больше не искали клада.

(Х. Маліевка). Коло слободы Ново-Николаевки е два клады: одынь состоитъ изъ серебряной посуды, а другой—изъ червонцивъ. Воны находятця коло ярка старостына. По тому ярку йде ричка и пидмыва берегъ, якъ разъ пидъ ти клады. И люде ожыдають, шо ихъ вода выкоте зъ пидъ земли. Одынь Ново-Николаевскый чоловікъ, Васылъ Жыхоривъ, хотивъ ти клады выкопаты, та не знавъ, де саме треба було копаты; отъ винъ здумавъ про ворожку и поихавъ до неи. Та ворожка розказала ёму, шо ти клады трудно выкопаты, потому шо вони завалени великымы камнями, такъ шо на первый кладъ изъ серебряной посуды наваленъ каминь, а пидъ посудою ще ё камень; пидъ тымъ камнемъ находытця другой кладъ: повенъ бочонокъ самыхъ червонцивъ. Якъ ништо ти клады не выкопа, то вода ихъ вымые и выкоте зъ пидъ горы годивъ черезъ симъ. Васылъ выпытавъ у ворожки все, тоди и пишовъ копаты кладъ. Отъ винъ копавъ, копавъ, и докопався до камня, та ничего не може зъ нымъ зробыты,—взявъ и бросывъ копаты ти клады. А бросывъ винъ отъ черезъ шо: якъ пиде винъ ночью копаты ихъ, то его видтыль якъ захвате шось, та все хворостыною лупцюе то по плечахъ, то по голови. Якъ бросывъ винъ копаты ти клады, то все ожыдавъ, ч не вымые вода, тай не дождався—умеръ, а клады такъ и осталысь. Люды теперъ зъ году до году ожыдають, чы не вымые тыхъ кладивъ вода, та ніякъ не дождутьця.

— А то въ 1887 году ходылы Ново-Николаевски мужыкы на Динь заробляты грошій. Тамъ имъ одынь унукъ старого розбойныка, який живъ колысь у Россіи, розказавъ, шо ёго пидъ закопавъ одынь кладъ коло Соляныковського гайка,

версты зо двѣ одѣ слободы, и шо той кладъ состоитъ изъ самыхъ мѣдныхъ пятачкѣвъ и ти пятачки загорнѣти въ волову шкуру и такъ закопани. Мужыкы прѣйшлы зъ Дону додому, тоди пишлы ночного время копаты той кладъ; такъ воно шось ихъ якъ захватѣло одѣ того кладу, та все хворостынякою шмагало по шыи, покы й додому прыбиглы. Билшъ уже й неходѣлы копаты того кладу.

(Сл. Кабанья). Годивъ 18-ть тому назадъ въ Кабаньемъ на гори два мужыкы выкопалы бочонокъ грошій. Тамъ було половина золота, половина серебра. Ти гроши воны взяли додому и поставѣлы у одного зъ ныхъ въ комори. Одынъ часто нападавсѣ на другого: „давай, брате, подилымось гришмы“. А той одвѣчавъ: „ни, братъ, ще не пора: имъ треба ще стояты чотыри годы, а то ще имъ не вѣйшовъ срокъ. Це воны казалы пѣсля того, якъ гроши простоялы уже 10-ть литъ. Значыть, якъ пройшло 14-ть литъ, тоди мужыкы подилылысь и стали страшно багатымы. Воны недовго жылы багачамы, а померлы въ одынъ мѣсяць обыдва. У того, шо стоялы гроши, умерло ще пять душъ, винъ шостый, а у товариша его умерло двѣ души,—винъ третій. Остальне семейство живе порадомно и теперъ на сѣли Кабаньской волосты.

(Г. Купянскъ). Нашелъ челоувѣкъ заклѣтыя денѣги; взялъ ихъ принесть домой и отдалъ женѣ. Самъ въ тотъ же день умеръ, а жена помѣшаласѣ. Вотъ приходитъ къ ней сатана и говоритъ: „отдай мое добро!“ да какъ затрещитъ, залопотитъ передъ нею, а она ему въ отвѣтъ: „отойди, сатана! я тебя не боюсь: у меня есть Господь. онъ защититъ меня“. Сатана исчезъ. Послѣ этого приходитъ къ ней молодой мужчина и говоритъ: „отдай мнѣ денѣги: ты будешъ жива и здорова, а я пропаду“. Она отдала ему денѣги и тотчасъ выздоровѣла, а молодой мужчина неизвѣстно гдѣ дѣлся.

(Сл. Ново-Николаевка). Жывъ богатый мужыкъ и передъ смертю велѣвъ такъ: „глядите, диты, якъ я умру, покладитъ вси гроши въ казанокъ и поставте мени въ гробъ, а якъ не послухаєте, то буде вамъ горе!“ Сыны ёго такъ и зробылы. Черезъ много годъ вода розмыла те мѣсто и бувъ видимый гробъ. Пастухы паслы тамъ скотыну, дѣвлятьця—гробъ; взяли розкрылы ёго, ажъ тамъ казанокъ повенъ червонцивъ. Воны, взяли ёго и оддали батькови. Батько поихавъ на ярмарокъ, ку-

пывъ воливъ и ще кой-чого. Съ тыхъ поръ, якъ ростратывъ гроши, нема ему спокою: якъ ничъ, такъ и являеця дидь, мертвый и каже: „оддай мои гроши!“ Чоловикъ той мучывся мучывся—бере его оторопъ, и пишовъ до батюшки посоветуватьця, шо ёму робыты. А батюшка и каже: „однесы гроши назадъ“. Тоди винъ взявъ роспродавъ скотыну и все, шо на ти гроши купывъ, и однисъ и положывъ гроши въ гробъ. Съ тыхъ поръ и переставъ мертвый ходыть до ёго.

Жывъ соби богатый старыкъ, и винъ никому не хотивъ виддаты своихъ грошей. Передъ смертю взявъ ихъ и закопавъ такъ: „хто, кроме мене, возьме оци гроши, того земля возьме, той буде отъ ныни и до вику прокляты!“ А невестка ёго пидглядила и пидслухала. Захворавъ винъ и прыйшлы до ёго сыны и кажутъ: „тату, вы скоро вже вмерете, скажите де гроши“. А винъ одвича: одійдите видъ мене! дайте мини вмерты. Якъ винъ умеръ, то невестка пидговорила сусида, щобъ винъ выкопавъ; гроши будуть пополамъ. Сусидъ почавъ копаты и тилько подавъ їй гроши, а земля якъ загуде, такъ его и засыпало на вики вични. А невестка добре пожыла тымы гришмы.

(Г. Купянскъ). Захворала скупая старуха, лежитъ, охаетъ: не такъ боится она смерти, какъ жалъ ей разстаться съ деньгами, что припрятаны у нея въ головной подушкѣ. Сынь старухи ушелъ съ утра на работу, дома одна невѣстка. Пошылаетъ ее старуха принести свѣжей воды изъ колодца, хотя въ сѣняхъ и стоять съ часъ тому назадъ принесенная. Догадалась невѣстка въ чемъ дѣло, вышла въ сѣни, взяла ведра, стукнула дверьми, но, вмѣсто того, чтобы ити за водою, тихонько подкралась къ окну и смотритъ, что будетъ дѣлать ея свекровь. Старуха приподнялась, достала изъ подушки деньги, взяла со стола ножъ и, еле двигаясь, подошла къ печи, присѣла и стала рыть подъ припечкомъ. Пороетъ, пороетъ и приостановится, видно силъ нехватаетъ, и все что-то шепчетъ, все шепчетъ. Выкопала ямку, положила въ нее деньги; зарываеъ, разравниваетъ землю руками и приговариваетъ: „чьи руки гроши зарылы, того й одрыютъ“. Деньги и зашумѣли подъ землею. Проговорила старуха эти слова три раза, да и не поднялась уже, тамъ и захолонула. Вошла въ хату невѣстка, видитъ, свекровь уже умерла, взяла да и

ну ея руками вырывать деньги. Отрываетъ да приговариваетъ: „чи руки гроши зарывалы, того й одрываютъ“. А деньги такъ и выскочили на верхъ. Тогда невѣстка спрятала деньги, подняла съ земли и положила на постель свекровь, а потомъ пошла и заявила сосѣдямъ о ея смерти.

Въ народѣ ходитъ, очень много рассказовъ о добываніи кладовъ подобнымъ способомъ; сущность всѣхъ ихъ состоитъ въ томъ, что въ нихъ какъ и въ приведенномъ, говорится о вырытіи кладовъ руками умершихъ хозяевъ ихъ.

Другую, также весьма распространенную, серію сказаній о безопасномъ завладѣваніи заклятыми кладами составляютъ рассказы, въ которыхъ сообщается, какъ вслѣдствіе замѣны нѣкоторыхъ словъ въ заклятіи, произносимомъ лицомъ, зарывающимъ кладъ, другими словами, произнесенными тайнымъ свидѣтелемъ, съ цѣлю сдѣлать условія зарoka выполнимыми, кладъ легко достается лицу, съумѣвшему выгоднымъ для себя образомъ измѣнить заклітіе.

(Сл. Ново-Николаевка). Одынъ чоловікъ понисъ закопуваты кладъ. Вырывъ ямку, положывъ гроши и каже: „хто положе сто головъ чоловічихъ на це мисто, той и кладъ возьме“. А другой слидывъ занымъ, та й каже собі за нымъ: „хто положе сто головъ курячихъ на це мисто, той и кладъ возьме“. Той шо закопувавъ, проказавъ тры разы и цей тры разы за нымъ. Тилько той пишовъ геть, а цей прыйшовъ на те мисто и почавъ копаты. А воно такъ и загудило въ землю, гроши. Тоди пишовъ винъ до дому, принисъ сто курей и побывъ ихъ на цимъ мисти, а тоди и кладъ узявъ.

Недостаточно найти кладъ; нужно, чтобы взять его, чтобы онъ *дался въ руки*, знать заклітіе и выполнить его.

(Сл. Кабанья). Узналъ мужикъ, что кладъ находится подъ кучею навоза, а заклітіе на немъ такое: тотъ возьметъ кладъ, кто поѣстъ весь навозъ. Много людей приходило къ этому кладу, но онъ имъ не давался, такъ какъ они не знали заклітія. Тогда мужикъ рѣшилъ поѣсть этотъ навозъ. Онъ забралъ его домой, высушилъ, стеръ въ порошокъ и во время обѣда сыпалъ его въ борщъ вмѣсто перца. Часто домашніе спрашивали его: „чего це борщъ воняетъ?“ но мужикъ отмалчивался. Когда же поѣлъ онъ весь навозъ, то и кладъ ему дался. Взялъ мужикъ деньги, и принесъ домой, положилъ ихъ на столъ и говоритъ: „ось що воно воняло въ борщи!“

(Г. Купянскъ). Пошелъ на зорѣ мужикъ въ лѣсъ за дубкомъ на ось, смотритъ—идетъ дѣдъ и несетъ лопату и мѣшокъ съ чѣмъ-то тяжелымъ. Зачѣмъ это такъ рано пришелъ въ лѣсъ дѣдъ? подумалъ мужикъ и притаился за кустомъ. Вышелъ дѣдъ на поляну, осмотрѣлся, бросилъ на землю мѣшокъ и началъ копать ямку, выкопалъ, снова осмотрѣлся кругомъ, положилъ въ ямку мѣшокъ, забросалъ землею, сравнивалъ землю и закликаетъ: „тотъ мои деньги возьметъ, кто эту поляну пѣтухами вспашетъ“. Окончивъ закланіе, дѣдъ ушелъ Мужикъ и себѣ скорѣе домой. Приходитъ и говоритъ женѣ: „жинко, скоринишь ловы двоухъ пивнивь!“—На шо тоби здались ти пивни? „Будемъ пивнями ораты та гроши доставаты“—Та шо це ты, чы ты очманивъ, чи совсимъ здуривъ? де такы выдано, шобъ пивнями оралы? „Мовчы! кажу тоби: ловы, а я ось и сошку приправляю“. Жена поймала двухъ пѣтуховъ, а мужъ сладилъ сошку и отправились съ пѣтухами въ лѣсъ Тамъ впрягли въ соку пѣтуховъ, мужъ и приказываетъ женѣ: „ну жинко, я буду пахаты, а ты за погоныча“.—А якъ же мени ихъ поганяты? „Кажы: кышъ, кышъ“. Выпахали всю поляну. подошли къ тому мѣсту, гдѣ зарытъ былъ кладъ, мужикъ сильнѣе нажалъ соху и зацѣпилъ мѣшокъ съ деньгами. „Стой жинко, Господь посылаетъ намъ благодать! дывысь, мишокъ грошей“. Жена обрадовалась кладу, схватила мѣшокъ съ деньгами да скорѣе домой.

Сила человѣческаго слова велика: и простые люди силою закланія могутъ, какъ то видно изъ нѣкоторыхъ предъидущихъ разсказовъ, погружать кладъ въ преисподнюю и вызывать ихъ изъ нѣдръ земли на поверхность, или облекать ихъ въ разные виды; люди же, водящіеся съ нечистою силою, могутъ, при помощи ея, превращать не только камни и черепки въ деньги, но даже и другихъ людей—также въ деньги.

(Сл. Преображенная). Когда-то давно, можетъ быть лѣтъ шестьдесятъ тому назадъ, еще покойный отецъ мой разсказывалъ, жилъ въ Преображенской одинъ нѣмой, и онъ, вѣроятно, знался съ нечистыми, потому что бывало придетъ къ какой-нибудь горѣ да стукъ, стукъ по ней палкою и замычить, стукъ и замычить. Подбирай тогда отскакивающіе отъ той горы камешки, они въ рукахъ дѣлались монетами.

(Сл. Тарасовка). Умерла у однихъ людей стара бабка.

Поховалы ии. Писля того до ихъ стало шось ходыть, а шо—не знають. Думалы ти люды, шо то покійна бабка до ихъ ходе, и здорово боялысь. А воно ходе кожду нить; зализе на пичъ и стогне и каже: „облуй мене водою!“ Хазяева утекли зъ хаты и пишлы до сусидивъ. А сусиды имъ пораялы: „не бійтесь, а шо буде казать, те й зробить“. Послухалы сусидъ, пишлы до дому. Повечерялы, полягалы спаты, задулы свитло. Тилько полягалы, а воно якъ закрычить у два голоса: „облуй мене водою! облуй мене водою!“ Повскакувалы, взяли кружку воды и вылылы на пичъ, а воно ажъ забряжчало. Засвитылы свитло, полизлы на пичъ, а тамъ дви кучи грошей и на кожной кучи надпысь, шо то булы маты и сынъ. Помолылысь Богу, забрали ти гроши и заховалы у скрынню.

Хотя заклые клады оберегаются нечистою силою, которая пугаетъ кладоискателей разными страшными видѣніями, однако и на такіе клады находятся охотники, такъ какъ извѣстны разныя средства, противъ которыхъ и нечистая сила оказывается безсильной. Смѣлость, присутствіе духа и находчивость лучшіе помощники въ столь опасномъ дѣлѣ: сробѣль и все потеряно.

(Сл. Араповка). Заклятый навсегда кладъ можно взять только имѣя при себѣ „ключъ-зилля“ или цвѣтокъ „папороти“. Ключъ-зилля растеть на лугахъ, найти его можно такъ: „пустыть на луку заковану зализнымъ кутомъ коныну и ходыты за нею. Якъ тилко вона стане на ключъ-зилля, заразъ путо й спаде“. Ключъ-зилля надо сначала высушить и истолочь въ порошокъ, потомъ „пидризаты кожу на правій долони и всыпаты его туда. Якъ тилко прыторкнесся тыю долонею до якого хочъ замка, заразъ винъ и одимкнется; або приложышь ии до шкарбу, заразъ винъ и дастця въ руки“.

(Сл. Кабанья). Годивъ шестьдесятъ, а може и бильше, тому назадъ въ Лымани, Изюмского уизду, одному чоловикови прысмылось, що будто прыйшовъ до ёго якыйсь дидъ и каже: „иды гроши копаты въ Ильменске (въ тій же слободи) зъ Мыколаемъ Мытровычемъ, зъ учителемъ“.—Съ чымъ же я пиду? Дидъ каже: „возьмы страшну свичку и саптырь“. Мужыкъ довго не вирывъ. Разъ дидъ до ёго у яви прыходе и каже: „чого-жъ ты, дурный, нейдешъ гроши копаты? Иды прямо въ Ильменске, а якъ перейдешъ яръ, то станешъ на пивничъ

лицемъ, тамъ буде кущыкъ глоду; передъ глодомъ могила, трошки ныжче друга, менченка; отъ ціи могилки одступню и тоди копай". На другой день пишли, подывылись, такъ уси приметы е. Тоди помолылись Богу и пишли копаты пидъ Велыкдень зъ страшною свичкою и саптыремъ. Засвityлы ту свичку, прышли до кущыка; Мыколай Мытровычъ ставъ читаты саптырь а мужикъ ставъ копаты. Бачъ, я и забувъ сказаты, що дидъ казавъ, якъ будете копаты и прокопаете трохи, то тамъ буде лежать лвына шкура; вона лежатыме на гору головою, а внызъ хвостомъ. Пидъ тію шкурою буде плыта въ тры пуда висомъ. Ну, стали копаты. Прокопали трохи и найшли вси ціи примиты. Якъ зняли шкуру, тутъ де взявся трискъ, гукъ, крыкъ... Каминья на ныхъ кыдають, бьютъ ихъ. Но вони все це перетерпили и все свое робылы. Писля цего вони стали пидниматы плыту. Воно впыть почало ихъ лякаты. Йидуть паны (чорты це булы) въ коляскахъ, крычать на ныхъ. То страшно було, а то стало ще страшнше. Началы стреляты на ныхъ, выриваты дубья съ кориньямъ и кыдаты на ныхъ. Вони такы и це перетерпили. Началы ворущыты плыту, ніякъ вдвохъ не поворущать, а вона висыла такы тры пуда, та мабутъ на ній сыдили чорты. Стыко вони ни пиднималы, не якъ не могли пидняты плыты. Вони, бачъ, думалы, якъ пиднимуть плыту, то заразъ й тамъ казанокъ съ грошамы, такый що зъ него десять душъ каши найидалось. Тутъ на ныхъ въ третій разъ якъ пышла страсть: каминья летать... або якъ ухвате дуба за вершка, а коринцями ихъ лупе. Цего вже вони не вытерпили и стали тикаты, а ти паны за ными и бьютъ ихъ. Ото, бачъ, якъ бы третій разъ перетерпили, то и гроши бы досталы. На другой день пишли вони подывытыця, а воно тилько мистына видно, де стоявъ казанокъ.

— Шобъ взяты заклятый кладъ, треба позваты попа съ хрестомъ и одъ того миста, де находится шкарбъ, треба одступыты 12-ть сажнивъ и тамъ хрестомъ треба поцу обчертыты трычи и пры сему треба чытаты воскресну молитву. Черта проводится кругомъ шкарба для того, шобъ не пидходылы близько чорты: черезъ черту вони не перейдутъ и не будутъ мшаты взяты кладъ. Те мисто, що въ черти, треба покропыты водою и тоди копаты. Зъ выкопанымъ шкарбомъ

не треба йти до свята, поки заспивають пивни, а нужно сидить въ черти, по тому що якъ тилко пройдешь черту, то разъ и нападуть на тебе чорты. Якъ же заспивають пивни, такъ тоди сами вси чорты поховаютьця, тоди и треба ити съ шкарбомъ до дому и дорогою не оглядаться, а то якъ оглянутьця, то вони заразы же нападуть и однимуть шкарбъ.

Человѣкъ, хранящій у себя за кожею лѣвой ладони цвѣтокъ папоротника, можетъ когда ему вздумается, узнать, гдѣ находятся клады; по этому черти, оберегающіе клады, всячески пугаютъ смѣльчаковъ, отправляющихся въ ночь подъ Ивана Купала за цвѣткомъ папоротника. Если, не смотря на всѣ страшныя видѣнія, являющіяся во время расцвѣтанія папоротника, храбрецъ успѣетъ сорвать его цвѣтокъ, то черти прибѣгаютъ въ такомъ случаѣ къ хитрости, къ обманамъ, являясь передъ смѣльчакомъ въ образѣ его начальника, или родныхъ, друзей, и обыкновенно достигаютъ своей цѣли, отнимають цвѣтокъ. Изъ многихъ болѣе или менѣе однообразныхъ разсказовъ о добываніи цвѣтка папоротника приводимъ самый короткій.

(Сл. Араповка). Одынъ салдаты пидъ Ивана Купала пишовъ въ лисѣ, найшовъ папороть, сивъ и дождыда, поки вона зацвите. Отъ нечыста сыла шо вже не робыла, щобъ прогнаты его: пидходила до ёго и разнымъ звиромъ, та зубами на его кладала, кыдала на ёго каминня, вырывала дерево съ корнемъ, та кыдала на ёго, обсыпала его искрамы,—ни, не йде салдаты, сыдыть та хрестытьця, молитвы чыта. И досыдивъ такы до пивночи, поки зацвила папороть. Зирвавъ винъ цвитокъ и пишовъ до дому. Ставъ зъ лиса выходыты, а назустричь ему полковныкъ его йде и пытается въ его: „ты де бувъ“? Ничого робыты солдатови, росказавъ усе. А полковныкъ и каже: „а ну покажы мени цвитокъ“! Показавъ салдаты, а полковныкъ выхватывъ цвитокъ та хто зна де й дився. Ото лыха лычына пидходила до ёго полковныкомъ, щобъ однаты цвитокъ.

Вотъ перечень тѣхъ 12-ти *страховъ*, какими, по народнымъ разсказамъ, обыкновенно пугаютъ черти людей, намѣревающихся сорвать цвѣтъ папороти.

1) Шумъ, гамъ и дикіе крики. 2) Буря, ломающая деревья. 3) Движеніе на смѣльчака стоговъ сѣна или всего лѣса. 4) Появленіе огромнаго мохнатаго медвѣдя. 5) Появленіе разныхъ

звѣрей, щелкающихъ зубами. 6) Шумъ въ воздухѣ невидимыхъ крыльевъ и появленіе огненныхъ глазъ. 7) Бросаніе камней и вырванныхъ съ корнемъ деревьевъ. 8) Осыпаніе огненными искрами. 9) Зловонный запахъ горячей смолы и удушающій дымъ. 10) Выстрѣлы. 11) Землетрясеніе и 12) Разверзаніе у ногъ смѣльчака земли и образованіе страшныхъ пропастей.

Вѣра народа въ существованіе кладовъ легко объясняется не однимъ преданіемъ, но и дѣйствительными находками и въ наше время старинныхъ монетъ и вещей; но интересно знать, какъ самъ народъ объясняетъ, почему одни изъ кладовъ являются въ образѣ старика, другіе въ видѣ лошади, иные въ видѣ пѣтуха и т. д. Къ сожалѣнію, мы имѣемъ весьма небольшое число прямыхъ отвѣтовъ на этотъ вопросъ, а потому и приводимъ ихъ всѣ.

(Сл. Кабанья). Явленіе кладовъ въ разныхъ видахъ зависитъ отъ того, какое на нихъ закланіе, а закланія бываютъ разныя: „Явысь ты, шкарбъ, воломъ и заревы на сто гонъ; явысь ты питухомъ, распусты косыци и запой; явысь старикомъ и розпусты бороду по поазъ.“

(Г. Купянскъ). Шкарбы появляются въ видѣ коня, барана або пивня потому, шо якъ закопували ихъ, такъ клалы голову коня, або барана, або пивня. Отъ на яку голову клалы и закланалы, такій и выдъ вони пріймають.

(Сл. Ново-Николаевка). Клады потому не пропадаютъ, шо ихъ не на вики кладуть, а такъ, хто на сто литъ, хто на тысячу, а хто и на бильше, и якъ закопують, то и проклинають, шобъ ранше и пизнійше тіен поры вони не являлись. Отъ якъ выйде срокъ, тоди вони и являються: якый свичкою, якый дидомъ, якый медведемъ, якый жеребьямъ. А почому ими являються—цѣго не докажу.

(Хут. Мадіевка). Якъ закопували гроши въ землю, то якъ зря ихъ у яму не клалы, а возьмутъ ихъ и вложуть въ волову або киньску шкуру, тоди кладуть у яму и загортають землею. Все ти люды, яки закопували гроши, булы знахори таки, шо ихъ и пуля було не возьме. А гроши закланалы на вики такъ, шобъ нихто ихъ не выкопавъ; або закопавшы оддають на распоряженіе чортамъ такъ, шо ти кому хотять тому й дають зъ условіемъ, шобъ ихъ душа була того, хто

возьме ихъ таки гроши. Други закопують гроши на время и якъ прыйде те время, то гроши самы выйдуть изъ земли. Хто зъ такихъ закопавъ гроши въ воловий шкури, той гроши будутъ выходити изъ земли воломъ, поки его хто вдаре мижъ роги палкою, або такъ чымъ, тоди винъ и розсыпетця на гроши. А якъ хто закопавъ въ киньску шкуру, то кладъ выйде кобылою. Клады въ образи старого дида и пивня сылно опасни. Ци гроши таки, шо дани чортамъ на распоряженіе, и ихъ якъ возьмешъ, то умрешъ, а душу возьмутъ нечисти. Таки клады въ образы и выды производе самъ нечистый духъ; а ти клады, яки являютьця воломъ, козломъ и кобылою не въ ихъ власты, и въ выды ихъ производылы самы хазяины своимъ великымъ знахарствомъ. Одтого вони и теперъ являютьця, и таки клады не опасни: смилыво беры, будутъ гроши и забагатіешъ. Ну, е таки клады, шо злый духъ до ихъ не мшаетьця, то люды и выкопують ихъ безъ затрудненій.

О какихъ кладахъ это говорится, можно составить понятие изъ слѣдующаго рассказа:

Лѣтъ 30 тому назадъ жилъ недалеко отъ Купянска, въ хуторѣ за р. Осколомъ богатый крестьянинъ, старикъ, вдовецъ. У него были три взрослыхъ, женатыхъ сына на отдѣлѣ. Сыновья жили хорошо, потому что старикъ далъ каждому изъ нихъ все необходимое для веденія самостоятельнаго хозяйства. Но и за всѣмъ тѣмъ у старика остались деньжонки, и онъ, отдѣливъ изъ нихъ часть на церковь, остальные обратилъ въ кладъ: взялъ и зарылъ ихъ въ своемъ саду, причемъ уходя сказалъ: „Пошли, Господи, добраго человѣка на мой слѣдъ“. Такимъ добрымъ человѣкомъ оказался сосѣдъ, видѣвшій, какъ старикъ зарывалъ свои деньги въ землю, и тотчасъ, по уходѣ его, взявшій ихъ. Послѣ того этотъ старикъ скоро померъ и когда во время поминальнаго по немъ обѣда родные и знакомые удивлялись тому, что по смерти старика въ домѣ его не оказалось денегъ, то бывшій тамъ же на обѣдѣ сосѣдъ, что взялъ кладъ, прямо заявилъ всѣмъ, что деньги старика достались ему и разсказалъ, какъ это случилось, только скрылъ сумму. Сыновья умершаго и всѣ бывшіе на поминкахъ, признали, что сосѣдъ по праву завладѣлъ кладомъ, что это его ужъ такая доля, что это ему такъ Богъ далъ.

Нашелъ шкарбъ—вотъ какой отвѣтъ не рѣдко приходится

слышать на вопросъ о началѣ состоянія того или другого изъ мѣстныхъ багачей-крестьянъ, занимающихся теперь не хлѣбопашествомъ, а торговлей. Находки болѣе или менѣе цѣнныхъ кладовъ изрѣдка случаются и въ Купянскомъ уѣздѣ, и слухъ о подобной находкѣ быстро распространяется въ народѣ и вызываетъ усиленные поиски за кладами. То же явленіе порождаетъ рассказы лицъ, возвращающихся съ работъ на Дону, рассказы о томъ, что, молъ, внукъ или правнукъ бывшаго разбойника говорилъ о кладѣ, зарытомъ въ той или другой могилѣ. Поэтому неудивительно, что почти на всѣхъ нашихъ курганахъ замѣтны слѣды раскопокъ.

Между крестьянами встрѣчаются иногда страстные искатели кладовъ, ловящіе на лету слухи о мѣстонахожденіи шкарбовъ и старающіеся добыть ихъ то въ товариществѣ съ другими такими же любителями, то въ одиночку. Эти лица, не взирая на постоянныя неудачи и на преслѣдующія ихъ насмѣшки односельчанъ, нерѣдко до того увлекаются овладѣвшею ими страстью, что разстраиваютъ свое хозяйство, а иногда весьма плачевно оканчиваютъ даже свою жизнь. Впрочемъ бываютъ случаи возвращенія даже такихъ упорныхъ кладоискателей отъ ночныхъ работъ въ землѣ къ обычнымъ хозяйственнымъ занятіямъ при дневномъ свѣтѣ, вслѣдствіе болѣе или менѣе жестокихъ шутокъ надъ ними со стороны земляковъ ихъ. О подобныхъ шуткахъ можно получить понятіе изъ двухъ ниже слѣдующихъ рассказовъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ одной изъ нашихъ мало-російскихъ слободъ жилъ мужикъ, забросившій почти всеѣмъ свое хозяйство въ убѣжденіи, что ему суждено найти шкарбъ. Лопата его не оставила въ покоѣ ни одной изъ окрестныхъ могилъ-кургановъ. То ему самому казалось, что онъ видитъ на той или другой изъ нихъ горящую свѣчу, то знакомые увѣряли его въ томъ, что они сами, своими глазами, видѣли свѣчу. Однако прошло уже не мало лѣтъ въ напрасныхъ поискахъ, а клада все нѣтъ, какъ нѣтъ. Хозяйство мужика пошло прахомъ; жена горюетъ, барнится, сосѣди посмѣиваются, а нашему кладоискателю все нипочемъ: съ годами надежда найти кладъ не слабѣетъ, а крѣпнетъ. Не нашелъ, молъ, въ прошломъ году, найду въ настоящемъ.

Настала весна. Всѣ хозяева въ полѣ, пахутъ, сѣютъ, толь-

ко искатель кладовъ не пашетъ и не сѣетъ, да и пахать то ему не на чемъ: послѣднюю пару воловъ продалъ еще осенью,—ходитъ онъ теперь кругомъ байрачковъ, кручъ и могилъ да соображаетъ: „де то въ сей годъ буде провитрюватыця шкарбъ; якъ бы выпать не прозиваты его, якъ торикъ“.

Зашелъ къ женѣ кладоискателя кумъ, поздоровался и спрашиваетъ: „а шо посіавъ кумъ уже ячмень?“—Ни, кумочку-гулубчыку, мы ще ни за яке дило не брались: мы все шкарбивъ шукаемъ! отвѣчала кума и махнула рукою въ знакъ отчаянія. „Кумочку—голубочку, чы не знаешъ ты, чымъ бы се-му горю пособить, щобъ мій чоловікъ кинувъ оце дурачество, та взявся-бъ, якъ други люды, за хазайство? „Кумъ подумалъ, подумалъ да и говорить: „ну, кумо, колы справи, такъ треба взятця за се дило, якъ слидъ. Теперъ вже не далеко до Велькодня; нехай вже кумъ шукае шкарбивъ; ты ему не перечъ. А я вже такъ устрою, шо винъ бильшъ не буде шкарбивъ шукаты. Тико ты ничего не каже ёму, а я вже прыдумавъ штуку: перестане кумъ по ночамъ копаты могилы!“ Потолковали, условились съ кумою, и кумъ отправился на встрѣчу ея мужа. Повстрѣчавшись съ нимъ, спрашиваетъ: „А де се ты, куме, бувъ? чы оравъ, чы сіавъ, чы шо робывъ?“—Та ни, куме, не оравъ я и несіавъ, работа мини и на умъ нейде. „Шо-жъ такъ, чы зажурывся чы що?“—Та ни, куме, кажу—ни яка работа й на умъ нейде: такъ мене кортыть, такъ кортыть, такъ мени й вздринаетьця, шо ото де могылва, тамъ и шкарбъ е. Та оце все кожны могылку и копаю. „И шо-жъ, выкопавъ шо-небудъ?“—Та ни, ничогисенько. „Э, куме, а ты думавъ, шо оце такъ: тяпъ та ляпъ, та й зробывъ корабль; ни, голубчыку, пидожды! Се дило таке, шо треба помудроваты коло ёго. Отъ колы хочешъ послухаты мене, такъ може шо й выйде. Пиды пидъ самый Велькдень, якъ тико стануть до діянія звоньты, такъ ты пиды, знаешъ пидъ кручею, де кушыки, могылку?“—Якъ же не знаты, знаю,—коло стинкы. „Ну колы знаешъ то й добре. Такъ возьмы у жинкы паланыцю та грудочку соли, та якъ прыйдешъ на мисто, роскопай кружкомъ верхъ могилки, щобъ посередыни якъ етильчыкъ було; положи на его паланыцю и сіль, а самъ пиды пидъ куши, поскыдай зъ себе всю одежу и хрестъ зъ шыи зними. Я се навирно знаю: хто хоче шкарба взаты, той долженъ буты, якъ невын-

ный младенецъ, якъ маты родыла. Тоди лишъ шкарбъ и объявитьця. Такъ ты сыды соби тыхесенько въ кущи та й слухай; молитовъ не читай и не хрестысь, а сыды та й слухай, а воно само тоби якъ-небудь объявытця, або голосъ подасть, або покажетця коло стильця. Отъ тоди й бижи до стильця и хватай та скорись до дому не оглядаючысь.“ Поблагодаривъ кума за наставленіе, искатель кладовъ пошелъ домой и сталъ съ нетерпѣніемъ ожидать кануна пасхи, конечно не безъ того, чтобы за эти дни не побывалъ онъ на указанномъ кумомъ мѣстѣ и не обсудилъ, гдѣ должно копать и гдѣ сидѣть. Наступила страстная суббота. Повечерѣло. Раздался протяжный звукъ церковнаго колокола, одинъ, за нимъ медленно послѣдовалъ другой, потомъ третій. Пора. Кладовискатель торопливо собрался и отправился къ могилѣ. Быстро окопалъ кругомъ вершину ея, вернулся, положилъ на нее паляницу съ солью, пошелъ въ кусты, раздѣлся, сидитъ и слушаетъ. Тихо, жутко, по спинѣ подираетъ морозъ. Скоро-ли? Какъ рывкнетъ вдругъ что то черное возлѣ могилы. Мужикъ съ рѣшимостію отчаянія бросился къ паляницѣ, но былъ сбитъ съ ногъ и почувствовалъ затѣмъ учащенные удары по всему тѣлу. Что было дальше, онъ не помнилъ, потому что потерялъ сознание, а когда пришелъ въ себя, то схвативъ платье, бросился прямо домой.

На другой день зашелъ къ нему кумъ похристосоваться. Облобызался съ нимъ, какъ принято, и спрашиваетъ „шо-жь, куме. ходывъ такы за шкарбомъ, съ чымъ же тебе поздравляты?“—Та ходывъ, пропады моя голова. „Ну и шо-жь, бачывъ шкарба?“—Бачывъ?! въ рукахъ державъ, та и винъ мене ловко подержавъ; и доси все тремтыть на мени. Такъ, бачъ, бисового батька, такъ жалко мене было, такъ было, шо я ажъ обезпамятивъ. А само чорне та склызке—сказано нечыста сыла! „Бачу, куме, це твоя недоля. Кынь це дило, а то гляды, якъ у друге попадешъ, то й зовсимъ тоби не здобровать“. Съ того времени мужикъ пересталъ искать клады.

Другая шутка съ кладокопателями не такъ благополучно кончилась.

Подъ Свѣтлый праздникъ въ сл. Нижней Дуванкѣ сошлись на улицѣ два крестьянина; слово по слову, разговорились о томъ, что въ эту ночь являются клады, такъ не дурно было

бы попытать имъ счастья, тѣмъ болѣе, что и искать клада не надо, потому что такой кладъ, какъ всѣмъ извѣстно, ежегодно въ эту ночь показывается на горѣ гдѣ городище, въ видѣ горящей свѣчи. Потолковали и рѣшили въ самомъ дѣлѣ ити вмѣстѣ доставать кладъ. Весь ихъ разговоръ и принятое ими рѣшеніе слышалъ третій крестьянинъ. Онъ и захотѣлъ подшутить надъ ними. Взялъ старое колесо, огарокъ восковой свѣчи и пробрался прежде ихъ къ городищу. Ночь была темная. Улегшись въ канавкѣ, прилѣпилъ зажженный огарокъ къ ступицѣ колеса и выставилъ послѣднее на окопъ, а когда услышалъ, что искатели клада поднимаются на гору, пустил колесо въ низъ. Шедшіе на гору за кладомъ сперва при видѣ горящей свѣчи обрадовались, хотя и съ примѣсю нѣкотораго страха, но затѣмъ, увидѣвши, что огонь мелкая несется къ нимъ на встрѣчу, съ какимъ то стукомъ, пришли въ ужасъ и бросились назадъ съ горы, причемъ одинъ изъ нихъ сломалъ себѣ ногу и, сверхъ того, лишился навсегда разсудка.

Объ этомъ городищѣ-курганѣ существуетъ, по словамъ учителя мѣстнаго училища И. Войтова, повѣрье, что находящійся въ немъ кладъ возьметъ тотъ, кто три раза принесетъ туда прямо изъ рѣки Красной во рту воды. Многіе пробовали сдѣлать это, но ни одинъ не могъ выполнить условія, потому что въ этомъ мѣстѣ гора надъ р. Красной крута и высока.

По словамъ мѣстныхъ жителей въ Купянскомъ уѣздѣ находится много еще нетронутыхъ кладовъ. Вотъ нѣсколько указанныхъ мѣстонахожденія ихъ:

(Г. Купянскъ). Близъ сл. Петропавловки въ курганахъ, гдѣ были батареи, зарыто много оружія и въ боченкахъ золота.

(Сл. Кабанья). Между сл. Поповкой и Кабаньей возвышается гора, называемая „курганъ“; на ней видны три могилы и слѣды рва, наполненнаго золою. Въ пространствѣ между этими могилами и рвомъ находятъ въ землѣ уголь, рогаки, кочерги. Если тутъ копать, то можно выкопать очень много казанковъ съ деньгами. Тамъ, говорятъ, такъ много денегъ, что ими могли бы обогатиться не только жители сл. Кабаньей, но и все окрестное населеніе.

— Крестьянинъ Гуринъ изъ хутора Водянаго рылъ въ лѣсу на горѣ кладъ. Долго рылъ крестьянинъ, но наконецъ на-

паль на погребъ, запертый большимъ замкомъ. А какъ лѣсъ былъ казенный, то этому крестьянину и не позволили дальше рыть.

— Возлѣ сл. Мѣловатки находится озеро, называемое „Крыве озеро“. Въ томъ озерѣ на днѣ стоитъ три лодки, наполненные золотомъ.

(Сл. Араповка). Въ полуверстѣ отъ Араповки, къ сѣверу лежитъ озеро, называемое у насъ Викныною. Лѣтъ 30 тому назадъ озеро это было, говорятъ, очень глубокое, „таке, шо ему й дна не було“, теперъ же, когда начали распахивать ближайшіе къ нему холмы, его почти совсѣмъ занесло иломъ, и оно почти все заросло осокой. Озеро это находится у самой подошвы невысокаго холма, богатаго родниками, и служить однимъ изъ источниковъ нашей рѣчки Дуванки. Такъ вотъ въ этомъ то озерѣ, какъ говорятъ наши крестьяне, и есть кладъ. О немъ рассказываютъ слѣдующее: „Встарыну, якъ ще не було въ сыхъ мистахъ ни слободы, ни хуторивъ, тутъ жылы розбойныкы. Однѣ разъ вони почалы гроши дувананы. Дувананылы, дувананылы и заспорылы. Розсердився отаманъ, выливъ насыпаты повенъ човенъ золотыхъ, затопывъ его въ Викныни и сказаъ: „поки свита й сонця, нихто сего шкарбу не возьме“. Съ тыхъ поръ и ця ричка названа Дуванкою. Изъ Викныны шкарбъ тилко той може взяти, у кого е ключъ-зиля“.

Кромѣ озера Викныны указываютъ еще четыре мѣста, въ которыхъ находятся клады. Одно на крестьянскомъ полѣ въ глубокомъ оврагѣ, другое въ левадѣ мѣстнаго землевладѣльца и два въ озерахъ къ югу отъ Араповки. Всѣ эти клады положены то же разбойниками. Объ одномъ изъ этихъ кладовъ, о томъ, что находится въ холодномъ озерѣ, верстахъ въ двухъ отъ слободы, извѣстно, что онъ состоитъ изъ бочки наполненной золотомъ. Разбойники пустили эту бочку съ вершины довольно высокаго холма и она скатилась прямо въ озеро. Названіе „Холоднаго“ оно получило отъ того, что вода въ немъ всегда довольно холодна, что зависитъ отъ питающаго это озеро холоднаго родника.

Въ заключеніе прилагаемъ, въ подлинникѣ сообщеніе бывшаго поселенина, нынѣ крестьянина сл. Ново-Глухова, Ивана Гребенника о кладахъ въ окрестностяхъ этой слободы, полученное нами отъ мѣстнаго народнаго учителя, В. Фитилева.

Р. С. О томъ, что въ Кременскихъ могилахъ. Высокой на бугрѣ между родниками рѣчки Кременной и Сѣточной дубровой, и за этой дубровой на выѣздѣ изъ нея на слободу Терны, влѣво надъ дорогой, есть клады; издавна были устные преданія старѣйшими молодшимъ жителямъ, на основаніи чего, когда Кременяне именовались военными поселянами, изъ нихъ, охотники до кладовъ, какъ рассказывалъ Федотъ Савельевичъ Дражевскій, уже умершій, въ 40—50-хъ годахъ однажды артелью человекъ въ 6 отправлялись на поиски къ этимъ могиламъ въ ночь подъ Страстную пятницу, имѣя при себѣ и псалтырь, но какъ только принимались раскапывать могилы на нихъ нападалъ необыкновенный страхъ и разныя явленія препятствовавшія дѣлу, за тѣмъ они были прогоняемы невидимой силой и поиски ихъ не удавались.

Въ 1868 году крестьянинъ сей слободы, Иванъ Обоянскій, возвратясь изъ заработковъ съ Ставропольской губерніи и Области войска Донскаго, являлся въ волостное правленіе и объявлялъ: что онъ находясь въ услуженіи въ семействѣ какой-то станицы старика очень древняго лѣтами, уже невладѣющаго зрѣніемъ, былъ имъ спрашиваемъ о мѣстѣ жительства Обоянскаго, и узнавъ, что онъ изъ Кременной, пояснилъ: что въ помянутыхъ выше могилахъ есть клады оставленные имъ съ товарищами по профессіи разбойниками, когда еще здѣсь было малоллюдно и ихъ стали преслѣдовать военной силой, почему они, уступая таковой, принуждены были бросить все и бѣжать въ другія мѣста для нихъ безопасныя; что кладъ въ первой могилѣ такъ великъ что на тѣ деньги можно бы купить три слободы такія, какою была тогда Кременная; при кладѣ въ сей могилѣ находится и оружіе разбойниковъ; почему Обоянскій просилъ: дозволить ему съ товарищами произвести раскопку означенныхъ могилъ, съ цѣлью добыть клады; на что ему было сказано: что о желаніи ихъ будетъ представлено начальству, которое разрѣшить добычу кладовъ не иначе, какъ съ обращеніемъ $\frac{2}{3}$ въ казну, съ чѣмъ они однако не согласились, и въ послѣдствіи могилы раскапывались надо полагать ими же по ночамъ украдкой: Высокая мѣстахъ въ 3-хъ на половинѣ ея вышины, а Задубровская съ верху до подошвы, и въ ней осталось нѣсколько камней, которыхъ въ тамошней почвѣ нѣтъ.

Подобно Обоянскому и крестьянинъ сей же слободы Козьма Гребенникъ, бывъ на заработкахъ и освѣдомясь отъ старожила донскаго казака, что въ Кременной могилѣ выше байрака Пристѣна, на правой сторонѣ рѣки Красной, есть кладъ, по возвращеніи пригласивъ односельянъ: Захарія Кіашку и Ефима Гайдаша, съ ними раскапывалъ таковую и нашли въ ней небольшую землянку, бревна которой смаленные, отъ времени значительно осѣвшую, въ землянкѣ тазъ красной мѣди, конское сѣдло съ желѣзными стременами, узду съ удилами и остовъ лошади, какъ бы заживо закопанной при землянкѣ, но, денегъ будто не было. Онъ же Гребенникъ по указанію того же старика казака говорилъ что кладъ есть и въ могилахъ въ вершинѣ байрака Медвѣжьяго, подлѣ котораго жили Коровкины, давашіе убѣжище извѣстному разбойнику Пугачеву.